

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

**ВНУК
ПЕРСЕЯ**

Книга первая
МОЙ ДЕДУШКА – ИСТРЕБИТЕЛЬ

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

НОВИНКА!

Древняя Греция

Генри Олди

**Внук Персея. Мой
дедушка – Истребитель**

«Автор»

2011

Олди Г. Л.

Внук Персея. Мой дедушка – Истребитель / Г. Л. Олди —
«Автор», 2011 — (Древняя Греция)

Юный герой Персей убил чудовище Горгону Медузу. Об этом подвиге знают все. Но мало кто знает, как через тридцать лет великий Персей вступил в войну с Дионисом, желая остановить победное шествие бога по Арголиде. Двое сыновей Зевса сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. Лилась кровь, буйствовали вакханки, мужчины брались за копья. Прошрое выворачивалось наизнанку, а будущее грозило молниями. Внуку Персея, мальчику Амфитриону, выпала суровая доля – быть рядом с дедом в его войне. Новый роман Г.Л.Олди – третий роман знаменитого «Ахейского цикла», к которому авторы шли десять лет – повествует о событиях, предшествующих книгам «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта». Древняя Греция богов и героев, царей и чудовищ встает перед вами – прекрасная незнакомка, чей взгляд может обратить тебя в камень. Эллада, описанная звездным дуэтом Олди, давно завоевала любовь и признание читателей.

© Олди Г. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

ПАРОД [1]	5
ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ	7
1	7
2	10
3	14
4	16
5	19
ПАРАБАСА [15]. ТИРРЕНСКИЕ ПИРАТЫ	22
6	26
7	28
8	30
9	33
СТАСИМ [31]. ДИСКОБОЛ: БРОСОК ПЕРВЫЙ	34
ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ	36
1	36
ПАРАБАСА. ВАКХАНКИ ПАУТИННОЙ ГОРЫ	38
2	40
3	42
4	45
5	47
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Генри Лайон ОЛДИ

Внук Персея. Книга первая

МОЙ ДЕДУШКА – ИСТРЕБИТЕЛЬ

А если бы властвовали над нами, свергнув богов, скажем, Тифоны или Гиганты, какие бы им были приятны жертвы, каких бы они требовали обрядов?

Плутарх Херонейский, «О суеверии»

Так как поэт есть подражатель, так же как иной создающий образы художник, то ему всегда приходится воспроизводить предметы одним из трех способов: такими, каковыми они были или есть; или такими, как их представляют и какими они кажутся; или такими, каковы они должны быть.

Аристотель, «Поэтика»

Как раз в это время совершал победное шествие по всем землям бог Дионис со свитой. Долгие годы меж Персеем и Дионисом шла война. Много веков спустя в Олимпии показывали могилы убитых героем менад. Об исходе же его борьбы с богом ведали по-разному. Одни говорили, что Персей примирился с Дионисом и дал ему в Арголиде землю под храм. Остальные утверждали, что герой убил Диониса и бросил его голову в Лернейское болото.

Из аргивских преданий

ПАРОД ¹

Костер обещал быть жарким.

Поленница высилась над головами самых высоких мужчин. На дрова пошла олива, растрескавшаяся от древности, и еловые чурбачки, липкие от смолы. Их щедро пропитали маслом, бараньим жиром и медом. Собак били плетью – псы лезли к дровам, стараясь лизнуть их украдкой. Вниз, словно закладывая фундамент погребального дворца, густым слоем насыпали сосновую щепу. В центре поленницы, как дитя в материнском чреве, ждала грудa сухих листьев.

Брось факел – полыхнет до небес.

Семь дней покойник, умащенный благовониями, лежал в большом зале. Утром и вечером на голове его меняли венки из сельдерея. Завернутый в белое полотно, ногами к дверям, великий герой внушал страх и после кончины. Губы его были плотно сжаты. Перед смертью усопший строго-настрога запретил близким класть ему в рот кусочек золота. Перебьется, сказал он, имея в виду Харона-перевозчика. Ничего не заплачу. Пусть так везет. Иначе вообще не поплыву.

Тут останусь.

Близкие содрогнулись. На месте Харона они бы согласились на бесплатную работу без возражений. Закончив оплакивание, родичи заново натерли мертвеца маслом, нарядили в самые богатые одежды – при жизни покойный терпеть их не мог – и прямо на ложе водрузили поверх сложенной во дворе поленницы. Набросили покров цвета бычьей крови, зажгли

¹ Парод – вступительная песня хора в античной трагедии.

курильницы по углам, сняли ветви кипариса, прибитые к дверным косякам, и кинули на дрова; подготовили урну для праха и костей...

В этот миг стало ясно, что эпоха закончилась.

Персей, сын Златого Дождя, умер.

Ближе всех к костру стояла жена покойного – Андромеда. Высокая, суровая, как сосна на морском взгорье, она и здесь держалась особняком. Каждый знал, что к ней лучше не подходить в радости. Одарит строгим взглядом, будет молчать, отмеряя скупые слова, будто скряга – милостыню, пока сам не уйдешь. Зато в беде Андромеда не знала равных. Болезнь или рана, обида или забота – казалось бы, тот же взгляд, то же молчание, но больной выздоравливал, раненый исцелялся, а обиды бежали в панике.

Женщины причитали наперебой. Рвали на себе волосы, бросая целые пряди на тело умершего. Посыпали головы землей и пеплом, взятым из очага. Кое-кто в кровь исцарапал щеки и грудь. Андромеда и слезинки не пролила. Волосы жены Персея остались в целости. Ее бы укорили, но смельчака не нашлось.

В двух шагах от матери на складном табурете сидел калека Алкей – старший сын. Его жена Лисидика всхлипывала, утирая краем плаща распухшие глаза. Пышное тело Лисидики содрогалось от рыданий. Амфитрион, их сын – молодой человек двадцати трех лет от роду – сцепил было руки за спиной, но вздрогнул и схватился за пояс.

Наверное, вспомнил деда – большого любителя пройтись по двору, заложив руки за спину.

Анаксо, сестра Амфитриона, плакала рядом с мужем – микенским правителем Электрионом, вторым сыном Персея. За ними сгрудились дети: восемь парней и девушка. Юнцы втихомолку задирали друг друга. Девушка косилась на братьев с осуждением.

Сфенел, младший из сыновей Персея, хмурил брови. Ему хотелось, чтобы костер быстро разгорелся, как следует, и все кончилось. Жена Сфенела, толстуха Никиппа, держала на руках малышку Медузу; вторая девочка жалась к ногам матери.

На похороны из Спарты приехала и единственная дочь Персея – Горгофона. Овдовев восемь лет назад, еще при жизни отца, она вопреки обычаям вышла замуж снова. Да что там! – Горгофона даже родила супругу-преемнику сына, хотя к тому времени имела двоих внуков. Все вдовы окрестных земель с тайной надеждой следили: накажут боги строптивницу или нет? Если богам без разницы, то и нам не век спать в холодной постели...

Пламя факела лизнуло щепу.

Огонь сразу перекинулся на дрова. Летели искры, треск сменился ревом. Костер пылал так, будто желал согреть вдовьи постели от Коринфа до Навплии. Труп заволокло дымом. Воцарилось молчание; женщины – и те забыли причитать. Втайне люди ждали чуда. Вот сейчас ударит гром с ясного неба, и Зевс-Владыка сойдет во двор – забрать сына на Олимп, к пиршественному столу богов...

Чуда не случилось.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Ты утверждаешь, что отрицающий богов кощунствует? Но разве не в большее кощунство впадает тот, кто признает их такими, каковыми считают их суеверные?

Плутарх Херонейский, «О суеверии»

1

- Проклят!
- Фигушки!
- Проклят!
- А вот и нет!
- А вот и да!
- Ерунда!
- Проклят-растрепроклят! И не спорь со мной!

Жарко. Солнце как взбесилось. Хорошо рыбакам Навплии – море рядом. Хочешь – наклонись с лодки, плесни водой в лицо. Хочешь – скачи голышом за борт, ныряй с головой в зеленую, медузью прохладу. И пусть старики бранятся, что ты им рыбу распугал. Стариков по небу пусти огненным колесом – все равно мерзнут. А тебя в ледяную Гиперборею зашвырни – все едино в жар бросит. Ну ее, Гиперборею. Далеко. До Навплии ближе, до кромки вожденного залива. Рвануть, не глядя, ударить босыми пятками в землю... Удрал бы, да нельзя. Оставишь палестру² без разрешения – высекут. Не возьмут в расчет, кому ты сын, кому внук. Еще и стыдить будут, лупцуя: род, мол, позоришь. Икупался невовремя – в глаза каждому предку наплевал, на тыщу лет назад.

- И ничего я не проклят...
- Ха! А чей дедушка Пелопс? Мой, что ли?
- Ну, мой...
- А кто твоего дедушку Пелопса проклял? Я, что ли?
- Ну, не ты...
- Значит, ты тоже проклятый. И дети твои.
- И внуки! – встрял третий голос, повизгивая от восторга. – И правнуки!
- Дураки вы оба...

Мальчика звали Амфитрион, и он не хотел быть проклятым. Он лег на спину и стал смотреть вверх. Мелкие камешки щекотали лопатки и поясницу. Наверху высился холм и стены Тиринфа. Охристо-серый змей обвивал горб земли, кусая хвост пастью главных ворот. Кончик хвоста, волей зодчего угодивший в клыки змею, звался Танатодромосом – Коридором Смерти. Такой узкий, что один-единственный воин не мог там как следует закрыться щитом, он подставлял захватчика под ливень жгучей смолы и град стрел. Город, к большому сожалению мальчика, еще никто не штурмовал. Амфитрион знал секреты Танатодромоса из рассказов взрослых, и ему всегда становилось легче, когда он глядел на стены. Каждый камень крепости был родичем той мелюзге, что ворочалась под Амфитрионом, но таким дальним, таким могучим родичем, что и сравнивать нелепо. Мальчик, крупный для своих лет – «мой бычок», говорила

² Палестра – частная гимнастическая школа.

мама, целуя сына в вихрастую макушку – весил чуть больше таланта³; камень в стене, чешуйка тиринфского змея – в четыреста раз больше мальчика. Так сказал папа, а папа не ошибается.

Когда у тебя есть не только дедушка Пелопс, но и прадедушка Зевс – хорошо понимаешь разницу между собой и кем-то.

– Сам дурак, – Ликий, вредина, никак не желал уgomониться. – Твой дедушка Пелопс возницу Миртила со скалы сбросил! А тот его проклял. Тьфу, говорит, на тебя, и на сыновей твоих, и на их сыновей с внуками-правнуками...

– Когда? – спросил Амфитрион.

– Что – когда?

– Когда проклял, говорю?

– Пока вниз летел.

– Долго он у тебя летел. Много наговорил.

– Там высоко было, – неуверенно сказал Фирей, брат-близнец Ликия. – Оно, когда со скалы, знаешь как долго? Можно аж до прапрапра... Далеко можно растреклясть.

Борьба закончилась, а колесничное дело не началось. Учитель Спартак, фракиец, отец приставучих близнецов, опаздывал. Мальчишек оставили на произвол судьбы – ненадолго, сказал, ухмыляясь, борец Гелон. Силач, способный унести на плечах быка, он не знал, что судьба равнодушна ко времени – ей без разницы, день или век.

– Да хоть сто раз «пра»! Меня не касается.

– А вот и касается!

– А вот и нет!

– Это еще почему?

– Он сыновей дедушки Пелопса проклял, а я от дочки родился...

Дедушку Пелопса мальчик никогда не видел. Встретил бы на дороге – не узнал. Дедушка Пелопс сидел на троне в Писе: властвовал бронзовой рукой, строил козни, привечал, изгонял – короче, был очень занят. Он мало интересовался далеким внуком от одной из трех своих дочерей. Правда, мама уверяла, что дедушка любит Амфитриона, что он даже приезжал к ним – в седой древности, когда Амфитриону было полтора года – и немножко играл с мальчиком. Ущипнул за тугую щеку; пошутил, что такого бутуза не грех и на обед подать. Не хуже барашка выйдет, если с перцем. В тебе есть перчик, малыш? Малыш укусил деда за палец, и все, как утверждала мама, засмеялись. Слушая рассказ в первые сто раз, Амфитрион тоже улыбался. Потом – перестал. «Мой отец любит пошутить, – заметив это, добавила мама извиняющимся тоном. – Тут главное – привыкнуть. Если привык, тогда ничего. Смешно...»

«С другой стороны, – добавил папа Алкей, обнимая жену с сыном, – какие шутки могут быть у человека, которого родной отец разделал и сварил в котле? Нет, я понимаю: угостить богов – благое дело. Я иногда сам подумываю...»

«Ну да? – заинтересовался Амфитрион. – А что было дальше?»

«Так, пустяки. Дитя оживили, отца – наказали...»

Мама заругала папу, что он пугает сына ужасами; папа сбежал от скандала – тем дело и кончилось.

– А если и проклят, – вдруг сказал мальчик. Стены Тиринфа были высокими-высокими, а мысли – легкими, как перышко, и не пойми куда летучими. – Ну и что? Оно, небось, давно выдохлось, проклятие. Ну, живот заболит. Или хитон порву. Говорю ж, дурак ты, Ликий, и ты дурак, Фирей...

Мышиное личико Фирея вдруг оказалось близко-близко. Нависло, закрыв собой стены, зашевелило выгоревшими бровками. Червячки глаз вгрызлись в Амфитриона. Мучительный, больной, недетский интерес отразился в этом лице, как лик Медузы в зеркальном щите. Ты не

³ Талант – мера веса, около 26 кг.

такой, как я, бормотали глазки. Не такой, ворочались бровки. Другой, морщился чуткий нос, подрагивая ноздрями.

– Ты не понимаешь, – ласково, как смертельно раненному, шепнул Фирей. – Или врешь. Проклятым быть плохо. Теперь у тебя в жизни все будет плохо. Чуть-чуть плохо или очень плохо, но всегда плохо. А когда хорошо – ты будешь ждать, когда же начнется плохо. Я у бабки Астии спрашивал, что значит – проклятье. Она старая, она скоро умрет; она мне объяснила... Тебе сейчас плохо, да?

У Амфитриона заболел живот. Нет, конечно же, не живот – мальчик не мог найти верное имя тому, что закипало в нем. Так масло в котле пузырится и больно жжет, брызгами отгоняя стряпух. Тиринфяне тоже путались с именем: одни звали кипящее масло безумием Персеидов⁴, другие, осторожные – упрямым. Но и первые, и вторые сходились во мнении, что эта зараза передается по наследству, и лучше близко не стоять.

– Хорошо, – сказал мальчик и ударил.

Или сперва ударил, а потом сказал.

Лицо Фирея исчезло, вернулось, но уже внизу; Амфитрион не помнил, когда успел вскочить, схватить обидчика и, как учил борец Гелон – прогибом, через себя, и еще навалиться, подмять; затылок превратился в наковальню, молоты били по ней весело и часто – это Ликий вступил в бой, защищая брата; двое на одного, пускай, и локтем, локтем, а кусаются одни девчонки, и плачут девчонки – ребра трещат, под ложечкой екает, небо, рассыпавшись каменным дождем, падает на голову, нет, это не небо, это крепостные стены Тиринфа, они смыкаются вокруг тебя броней, волшебным доспехом, и уже не больно, ни капельки, и только масло шипит, визжит, брызжет – еще посмотрим, кому будет плохо...

– Стойте! Да стойте же!

Отрезвление ударило больней гада-Фирея. Рядом, в шаге от дерущихся, приплясывал на месте третий сын учителя Спартака – белобрысый Хрис, погодок близнецов. Встрепанный, запыхавшийся воробей; казалось, ему надо по малой нужде – сил нет! – а отойти боги не велят. Как Хрис почуял, что нужен старшим братьям? Каким ветром примчался из города? Был у них в семье еще четвертый, малыш Полифем, но тот не вырос для драки. Трое на одного, понял Амфитрион. Я точно проклятый. И масло остыло, бултыхается вялым озерцом. С тремя не справлюсь...

– Мамка, – сказал Хрис. – Мамка Полифема...

– Чего мамка? – хлюпая разбитым носом, спросил Фирей.

– Чего Полифема? – держась за коленку, спросил Ликий.

– Убила, – ответил Хрис. – Убила его мамка-то...

– За что?!

– А ни за что. Взяла руками... Убитый он теперь.

– А мамка?!

– Пляшет. Во дворе пляшет мамка...

И Хрис зарыдал, как девчонка.

⁴ Персеид – потомок Персея, в данном случае – внук.

2

Женщина танцевала. Горным обвалом рокотали тимпаны; пронзительно, как жертвы под ножом, визжали дудки – и босые пятки сами выбивали дробь из прокаленной солнцем земли. Аспидное пламя волос – по ветру. Кармин хитона, упавшего с плеч – по ветру. Пояс чудом держится, застежки отлетели, нагая грудь бесстыже скачет в такт пляске. Пускай! Что за дело? Плещут бирюзовые волны по подолу, кружат, завораживают. Все – по ветру! Пыль из-под ног – вихрем. Не женщина – смерч кровавый во дворе метет.

– Эвоэ, Вакх! Эвоэ!

Всюду кармин – на лице, на ладонях. Под ногтями, под ногами... Разметал смерч по двору багровые клочья – был малыш Полифем, как не был. Года бедняге не сравнялось. Ликует во дворе одержимая, топчет останки сына. Гром тимпанов, визг дудок – неужели не слышите?

Не слышат. Иначе тоже в пляс пустились бы. Сгустилась над двором тишина-смола – вязкая, черная. Не смола даже – туча-гроза. Гелиос в небе с лица спал, побледнел, на землю взирая. Тень Тиринф накрыла – зябко, смутно отсюда до моря. Молчит толпа за распахнутыми настежь воротами. Топчется на улице, смотрит. Еле слышно скулит побитый пес – Спартак-фракиец, муж плясуньи. Баюкает сломанную руку, под ноги глядит. Как увидел, что мать с сыном сотворила – к жене кинулся. Прибить? Скрутить? В чувство привести?

Он и сам не знал.

Опомнился, лишь когда насилиу вырвался. Рука – плетью, половина лица – в лохмотья. Не женщина – бешеная эриния-мстительница из Аида! Только ни при чем тут был Аид Неодолимый, владыка подземного царства.

– Эвоэ, Вакх! Эвоэ!

Спартак плакал, не стыдясь.

– Мамка!

Тишина треснула гнилой тканью. Женщина не обернулась.

– Мамка!!!

– Стой!

– Сдурел?!

– Она ж тебя...

Фирей и Амфитрион вцепились в Ликия, оттаскивая дурака назад, за ворота. Толпа качнулась морской зыбью, глухо зашумела, ударила волной в берег. Печать молчания спала с людей, но говорили все равно шепотом. Будто опасались потревожить... Кого?

– И до нас добралось...

– Что теперь, соседи?

– Все теперь! Будет, как в Фивах...

– Как в Беотии!

– В Аттике!

– Неужто Ди...

– Чш-ш!

– ...Косматый? У нас, в Тиринфе?!

– Так базилей⁵ же...

– А что базилей? Вакху базилей не указ...

– Эвоэ, Вакх!

⁵ Базилей – обычно переводится как «царь». Правильнее – вождь; иногда – наместник. Правитель города. Аналог – удельный князь.

Женщина похотливо изогнулась, освобождаясь от рванины, еще недавно звавшейся хитоном. Пояс упал ей под ноги. Свернулся в пыли змеей – берегись, ужалит. Нагая, жена Спарта напомнила зрителям статую, ожившую по воле богов, с остатками красной глины на лице и руках. Движения вакханки дышали такой незамутненной, животной откровенностью, что толпа, большей частью состоявшая из мужчин, со вздохом качнулась вперед – и сразу, опуская взгляды, подалась назад. Сама мысль о совокуплении с этим существом вызывала у тиринфян содрогание.

То, что кружило сейчас по двору, выламывалось из мужских представлений о миропорядке. Муж, дети; веретено, прялка, жернов; «уделом женщины молчанье служит»... И вдруг храм бытия рухнул в одно мгновение. Хаос грозил войти в каждый дом. Чья очередь? Кто, обуян безумием Вакха, разорвет в клочья своих детей?

Твоя жена? Сестра? Мать?

От врага можно запереться в крепости. На дикого зверя – устроить облаву. От чудовища спасет герой. Его даже звать не надо: в Тиринфе правит Персей Горгоноубийца. Гнев бога искупают жертвой. Может, и тут – жертву? Поклониться Косматому, как беотийцы – глядишь, и пронесет? Правда, в Беотии вакханки не перевелись. Да и басылей... Ох, басылей! Не простит. Кровью умоемся, соседи. Между Сциллой и Харибдой плывем. Ждем: минует – не минует? Боги, за что караете?!

Боги молчали.

Косматое облако напозло на диск солнца, пылающий в вышине. Ветер колючими крыльями ударил по лицам, щедро раздавая пощечины. Потемнело; тревожась, умолкли птицы. Вслед за птицами, не сговариваясь, умолкли люди. Едва ощутимо вздохнула под ногами земля. Качнувшись, толпа разделилась надвое – она распахивалась, как поле, готовясь к урожаю, распахиывается лемехом плуга, как женщина распахивает одежды, открываясь для любви...

Стоя в начале коридора с живыми стенами, пришелец медлил сделать первый шаг. Такой же, как все, в толпе он, пожалуй, потерялся бы. Лишь наголо, до блеска бритая голова сразу приковывала к себе внимание. Еще взгляд – рассеянный, скользящий. Левый глаз пришельца косил – будто пытался заглянуть в зеркальце, парящее у виска, в надежде отыскать там чье-то смутное отражение. Лыняной хитон на голое тело, сандалии из бычьей кожи. На поясе – непривычный для здешних мест кривой меч в ножнах из дуба. Владелец меча тоже казался вырезанным из твердого дерева: мелкий, жилистый, сухой до звона. Ни жира, ни рельефных мускулов атлета – ходячий доспех, обтянутый дубленой кожей. Меч на боку изогнулся скорпионьим жалом, и сам человек походил на хищное насекомое, завидевшее добычу. С равным успехом ему можно было дать и сорок, и шестьдесят лет.

Персей Горгоноубийца.

Сын Златого Дождя.

Правитель Тиринфа – и негласный хозяин всей Арголиты.

Персей ни на кого не смотрел, но люди отводили глаза, спеша обратиться прочь. В городе шептались, что Медуза поделилась со своим убийцей толикой каменящего взора. Лишь Амфитрион с обожанием, похожим на вызов, уставился на знаменитого героя. Это мой дед, убеждал себя мальчик. Я им горжусь. Если дедушку Пелопса я знать не знаю, проклятый он или нет, то дедушка Персей всегда рядом, со дня моего рождения... Это было правдой, но глядеть на деда, не отворачиваясь, стоило внуку титанических усилий.

По-прежнему не говоря ни слова, Персей направился к воротам. Он был здесь один. Немая толпа, родная кровь – людей для Персея не существовало. Только цель, как у выпущенной стрелы.

Одержимая.

– Эвоэ, Вакх!

Усмешка на лице женщины была сродни оскалу волчицы. Едва незванный гость шагнул во двор, вакханка двинулась ему навстречу. Персей остановился, выжидая. Кося сильнее обычного, он разглядывал кого-то за правым плечом жены Спартака; кого-то, невидимого для остальных. Между ним и нагой вакханкой оставалось три шага, когда женщина прыгнула – дикая кошка, клубок ликующей ярости. Ее действия не стали осмысленной, о нет! Зверь атакует врага; человек защищает родной дом. В поступке одержимой крылась природа хаоса, выпускающего когти при виде порядка, и не потому, что хаос – хищник, а потому что хаос так играет, дышит, танцует.

«У дедушки меч, – успел подумать Амфитрион. – Сейчас он...»

Меч остался в ножнах. Персей протянул руку и поймал женщину за запястье. Сжались пальцы; ясно прозвучавший хруст сын Зевса скомкал в кулаке. Вакханка задергалась, желая вырваться; ногти ее свободной руки едва не располосовали щеку обидчику. Персей усилил хватку. В воздухе без видимой причины повис терпкий, густой аромат – запах давленного винограда. Женщина упала на колени, ткнулась лицом в пыль и заскулила с собачьей жалобой. В ней не осталось ничего от эринии, гостьи из преисподней. Одержимость вытекала из вакханки, как вода из треснутой амфоры. Виноград пах так, что впору было зажать нос; казалось, в кулаке басилея скрывался давящий чан. Нагота жены Спартака утратила привлекательность; но и отвращения она не вызывала – скорее жалость.

Персей держал, не отпуская; пальцы его побелели от напряжения. Женщина билась в конвульсиях, содрогаясь всем телом, и вдруг обмякла. Персей с минуту постоял над ней – недвижимой, бесчувственной – и пошел прочь.

У ворот он задержался.

– С кем я на вакханок ходил? Не с тобой ли?

– Со мной, – кивнул бледный Спартак.

– Не ты ли их топтал, как конь траву?

– Я.

– Почему эту не затоптал? Имя свое забыл ⁶?

– Она жена мне.

Оба старательно избегали называть женщину по имени. Персей – «эта», Спартак – «она». Никто не вспоминал, что Спартакovu жену зовут Киниской. Казалось, имя значит больше, чем просто имя, и произносить его вслух – звать беду по-новой.

– В вакханалии ⁷ нет жен и сестер. Нет матери и дочери. Есть тварь бешеная, ядовитая. Подошел – рази. Иначе погибнешь.

– Почему ты не убил ее, Горгофон ⁸?

– Искияла она. По танцу было видно. И так хватило...

– Почему ты не убил ее?!

– Иди в дом, Спартак. Тебе сына хоронить...

Не говоря больше ни слова, Персей двинулся прочь. Лево́й рукой он на ходу, ухватив бронзовыми пальцами за ухо, безошибочно выдернул из толпы внука – и Амфитрион поплелся за дедом, предчувствуя взбучку. Лет шесть назад он боялся деда больше всех на свете. Желчный, молчаливый Персей был для внука глубоким стариком. Представить его юным победителем Горгоны мальчик не мог, хоть собери весь поэтический дар, дарованный людям, и съешь за ужином. Когда дед расхаживал по двору, заложив руки за спину, Амфитриону хотелось спрятаться в погреб. Он и сам не заметил, как страх переплавился в любовь, а затем в обожание.

⁶ Спартак – «топчущий, попирающий».

⁷ Слово «вакханалия» латинского происхождения, но корнями оно уходит в древнегреческое «βακχεύειν». Вакх – «восторженный, иступленный» – самое распространенное прозвище бога Диониса.

⁸ Горгофон – Убийца Горгоны, прозвище Персея. От греч. Γοργός («грозный, ужасный») и φονεύω («убиваю»).

Старость Персея исчезла сама собой. Будь Амфитрион взрослым, пошутил бы, что за эти годы дед сильно помолодел.

За спиной ворочалась толпа. Словно детский страх ожил, вернулся – и встал, стоглавый Тифон, у дома Спартака. Мальчик чувствовал себя голым. Он и был голым – одежда осталась в палестре. Затылком, кожей, мурашками, бегущими вдоль хребта, Амфитрион чувал – деда боятся все, от мала до велика. Любят, ненавидят, восторгаются или проклинаят – каждый боялся Персея больше Зевсовых молний, потому что молнии далеко.

– Ничего, – выдохнули в толпе, и стало ясно, что один тиринфянин пересилил страх. – Ничего, Истребитель ⁹... И с тобой будет, как с Ликургом Эдонянином. Дай время...

Клещи на ухе разжались. Рядом с Амфитрионом взвихрился смерч – тысячекратно страшней того, что мёл недавно за воротами. Наверное, все случилось так: не прекращая движения, не сбившись с шага, Персей присел, подхватил с земли камень – и с разворота, странным образом припав на колено, ударил камнем в толпу. Бросил? – нет, ударил, как если бы камень был продолжением тела, летучим кулаком героя. А может, Убийца Горгоны просто крутанулся волчком, дав угрозе скользнуть мимо себя, подхватывая ее на лету, уплотняя, обращая слова в камень, в медь, в разящий сгусток, изменяя траекторию угрозы – и вбивая ее в рот, произнесший крамолу. А может, все произошло иначе. Амфитрион ничего не заметил, и лишь вопль, ножом рассекший толпу, резанул слух мальчика. Он обернулся, видя, как люди торопливо расступаются, оставляя лежать на земле человека с лицом, залитым кровью; несчастный хрипел, держась за голову, сучил ногами, и никто не спешил помочь ему, перевязать, дать воды, наконец – ведь жители Тиринфа знали: это безумец, угрожавший Персею, лежит и умирает на глазах у всех, потому что Истребитель не знает пощады – и не знает промаха.

– Пойдем, – сказал дед.

Они ушли, не оборачиваясь.

⁹ Персей – Истребитель (Περσεύς); от греч. Πέρθω («разрушаю, истребляю»).

3

Домой возвращались поодиночке. До первого поворота дед шел впереди, заложив руки за спину, и хрипло напевал – вернее, бормотал себе под нос любимое: «Хаа-ай, гроза над морем, хаа-ай, бушует Тартар...» За поворотом он прервал бормотание и велел:

– Бегом в палестру за тряпками...

Мальчик отметил, что наг, как при рождении. Единственной одеждой ему служило масло, которым он умастился перед уроком борьбы, да песок, в котором Амфитрион вывалился от души, мутузя приставучих Спартакидов.

– Догонишь меня у Щитовых ворот. Ждать не буду.

Персей еще не закончил, как внук уже припустил прочь. То, что дед ждать не будет, означало шанс избежать взбучки за самовольный уход из палестры. Если Амфитрион успеет сбежать за одеждой и взлететь на холм, прежде чем суровый базилей войдет в ворота... Такое случилось не впервые, и никогда задания деда не были легкими. Мальчик мчался, как ветер, как южный Нот, несущий в низины влажный туман – а хотелось стать северным Бореем, сокрушителем деревьев. Танец вакханки дышал в затылок, подгоняя. Память милосердно переплавляла страх в историю, которую срочно надо рассказать кому-нибудь – отцу, матери, первому встречному; если промолчать, история вырастет и разорвет тебя, как гиганты рвали чрево матери-Геи, выходя наружу.

– Чумной! – охнула старуха-прачка. – Зенки протри...

Амфитрион чуть не сшиб ее. Извиниться? – это означало потерять драгоценное время. Далеко обогнав хромые угрызения совести, мальчик ворвался в безлюдную палестру, схватил хитон и сандалии – быстрее! обратно! Скорый на ногу дед, небось, уже на подходе... Одеться он и не подумал. Нагота мало смущала Амфитриона, с детства привыкшего к состязаниям атлетов. Родился мальчик в Микенах, прожив там до пяти лет, и по сей день путался, считая родиной скорее Микены, чем Тиринф. Микенцы же, упрямые гордецы, не ждали, пока базилей выстроит им стадион – что ни день, спорили между собой бегуны, борцы, дискоболы... Персей поощрял дух соперничества. Основатель микенской крепости, Убийца Горгоны в эти годы изменил Тиринфу, руководя перестройкой дворца и прокладкой дорог, связывавших Микены с двумя заливами, Крисейским ¹⁰ и Арголидским. Персея в его трудах сопровождали два старших сына: Алкей, отец Амфитриона, и Электрион, которого Персей, вернувшись в Тиринф, оставил на микенском троне.

В Тиринфе мальчик впервые обнаружил, что боязнь деда начала перерождаться в любовь.

Он бежал по северному склону, желая сократить путь. Тропинка путалась в камнях, траве, багряных вспышках маков. Босые ноги мелькали так, что не уследить. Забирая к востоку, Амфитрион хорошо видел башни и бастионы нижней цитадели, где жители города могли укрыться в случае осады. На галерее стояли дозорные; хохоча – аж сюда слышно! – они указывали на мальчика. Умерив бег, Амфитрион сделал в их адрес неприличный жест – и укорил себя за потерю времени. Хохот на галерее усилился, дозорные замахали копьями, делая вид, что собираются метнуть их в дерзкого. Отсмеявшись, младший в карауле взял пустой мех для воды и стал спускаться по внешней лестнице к роднику.

Выровняв дыхание, Амфитрион прибавил шагу.

– Хаа-ай, Тифон стоглавый, Зевс-Кронида язвит дракона...

Он успел. Дед еще только шел по Коридору Смерти, а внук уже догнал его и поплелся рядом, стараясь не показать усталости. Дед замолчал, даже петь бросил; и внук молчал. Ну, пыхтел, не без того. И огорчался, слыша в дедовом молчании упрек. Так они миновали ворота,

¹⁰ Позднее – Коринфский залив.

Большие и Малые Щитовые, разделенные предвратием и наружным двором, и вошли на территорию дворца.

Здесь кипела обычная суета. Служанки, бегая через двор, таскали воду в баню. Мясник разделывал бычью тушу, смачно хакая при каждом ударе топора. Над мясом вились мухи. Сидя на пороге караулки, стражник чинил войлочные башмаки. Вооруженный шилом и дратвой, он яростно скалился, словно орудовал копьем и щитом, разя врагов. Молодая рабыня в шутку плеснула на него из ведра. Стражник хмыкнул и изобразил шилом, что он сделает с дерзкой.

– Почему ты не убил ее, дедушка? – осмелился спросить Амфитрион.

Вопрос Спартака, оставшийся без ответа, мучил его всю дорогу.

– Думаешь, надо было? – повернулся к нему Персей.

– Конечно! Она бы тебя не пощадила...

– Это верно. Пожалуй, я был неправ, – Персей крепко взял внука за плечо. Амфитрион тайком скривился от боли. – В следующий раз обязательно убью. Нет, лучше я позову тебя. Ты уже совсем большой. Я буду держать, а ты – убивать. Договорились?

– Н-нет, – выдохнул мальчик. – Так нельзя...

– Так что, не звать тебя? В следующий раз?

Жестом велел внуку одеться, Персей быстро зашагал вперед. Мальчик смотрел вслед деду. Ему хотелось бежать, хотя ноги подкашивались. Бежать куда угодно, лишь бы подальше от роковой определенности слов: «в следующий раз». Мама говорила, что дедушка Пелопс – любитель пошутить. Дедушка Персей не шутил никогда. Папа Алкей, случалось, позже разъяснял сыну, что вот эти слова дедушки Персея – шутка, и те тоже, и еще, помнишь, вчера он сказал... Мальчик соглашался с отцом: да, шутка, очень смешно. Но втайне был уверен, что отец просто успокаивает его, считая слишком маленьким для дедушкиной невеселой правды.

Представилось: подворье Спартака, хриплое дыхание толпы, дед ухватил вакханку за обе руки – «Эвоэ, Вакх!» – та бьется рыбой, выхваченной из реки, но дед силен, держит; и вот он, Амфитрион, нагой, изгвазданный в песке, идет с ножом, нет, с дедовым мечом-серпом – «Эвоэ!..» – примериваясь, как бы получше всадить кривое жало, чтоб наверняка. Блик солнца на клинке. Под ногами – изорванное в куски тело ребенка. За спиной – гады-Спартакиды, с которыми он дрался из-за проклятья Пелопса. Блестят сухими, как песок, глазами. Что они видят? – меч, мать, останки младшего брата. Сейчас Амфитрион ударит, и Спартакиды никогда не простят ему убийства матери. А убийство брата? – матери они простят все, что угодно.

«Эван эвоэ, Вакх!» – завтра уже Спартакиды придут с мечами во дворец, потому что Лисидика, мать Амфитриона, начнет плясать и гоняться за сыном.

С ослепляющей ясностью Амфитрион понял, что сегодняшний кошмар – только начало, и следующий раз – не за горами. Он огляделся. Вокруг был дом, родина. Циклопические стены крепости; внизу – город. Дороги: восточная – на Эпидавр, южная – к заливу, северная – к Аргосу, западная – мимо Лернейских болот, в Спарту.

Дорог было много. Бежать – некуда.

«А вдруг я и в самом деле проклятый?» – подумал мальчик, натягивая хитон.

4

Отца мальчик нашел у оружейных кладовых. Сидя на табурете, Алкей следил, как стражники выносят наружу связки дротиков и копий, штабеля щитов, похожих на громоздких черепах; шлемы, поножи, наручи... Все это надо было внимательно пересмотреть, просушить, смазать маслом, а кое-где обновить ремни. Перед Алкеем на куске войлока лежала груда тетив – жильных и тех, что из воловьих кишок. С одной тетивой старший сын Персея играл, как дитя с веревочкой, пропуская меж сильных, узловатых пальцев.

– Пришел на подмогу? Давай, таскай дротики...

Мальчик насупился. Не то чтобы он отлынивал от работы, но сейчас больше всего на свете ему хотелось поделиться с отцом недавними событиями. Алкей понял это и улыбнулся сыну.

– Договорились. Никаких дротиков. Не быть тебе героем...

– Быть! – возмутился Амфитрион.

– Нет уж, дружок. Будешь аэдом ¹¹. Иди сюда, поведай мне о великих деяниях. Лиры, извини, у меня нет. Придется тебе так, всухомятку...

Плюхнувшись на землю у ног отца, Амфитрион принялся взахлеб рассказывать о случившемся. Драка в палестре, вакханалия, дедушка, мечущий камень в толпу... Стражники наострили уши. Слухи добрались до дворца, но история очевидца – совсем другое дело. Гордясь вниманием мужчин, мальчик увлекся. Потасовка с близнецами превратилась в сражение века. Дедушка Персей вырос до небес, камень в его руках стал утесом, а вакханка без особых усилий задушила бы циклопа, явись циклоп в Тиринф. Стража перемигивалась; Алкей слушал, не перебивая. Казалось, он легко видит правду сквозь сверкающий покров фантазии, наброшенный сыном – правду нагую и острую, как нож у горла.

– Скверно, – подвел он итог. – Очень скверно, мой аэд...

– Почему? – изумился Амфитрион.

Для него былой ужас окончательно превратился в сказание о подвигах. Глядя на отца, мальчик уже жалел, что пришел сюда. Лишь сейчас он вспомнил, о чем хотел спросить, и подумал, что лучше было бы расспросить оболтусов-близнецов. Братья все-таки фракийцы... Еще лучше задать вопрос учителю Спартаку – вот уж кто из фракийцев фракиец! – но Спартака, человека сурового, хватило бы и по шее накостылять вместо ответа. Особенно после трагедии в семье... Мальчик и раньше знал, что Спартака изгнали из Фракии, но сегодня он впервые сообразил, что Спартака могли изгнать за преступление – например, убийство. Спросишь, а ему вспоминать неохота – он руки и распустит...

– Папа, – решился мальчик. – Я хотел узнать у тебя...

– О чем, дружок?

– Что случилось с Ликургом Эдонянином?

– Почему тебя это интересует?

– Ну, этот, кого дедушка камнем... Он грозил, что и с дедушкой будет, как с Ликургом. Вот я и подумал...

Стражники мигом потеряли интерес к разговору, из чего Амфитрион заключил, что им – а пожалуй, и остальным взрослым – история Ликурга хорошо известна. Алкей же с минуту молчал, играя с тетивой. Высокий, широкоплечий, с руками богатыря, он вполне оправдывал бы свое имя, если бы в детстве не переболел «конской стопой» ¹². Левая нога Алкея высохла,

¹¹ Аэд (иначе рапсод) – сказитель.

¹² Алкей – Могучий, Мощный (от греч. ἄλκαῖος). «Конская стопа» – полиомиелит. Болезнь приводила к укорочению и деформации ног; описана Гиппократом.

плохо слушаясь хозяина. Ходил он с трудом, враскачку, словно моряк по палубе ладьи, застигнутой штормом. Раб всегда носил за ним дифрос – складной табурет с сиденьем из ремней – на который Алкей садился там, где не было кресла или ложа. Сидя, он легко сошел бы за могучего воина; увы, рано или поздно приходилось вставать.

– Эдоны, дружок – фракийское племя. Ликург был их вождем. Когда Косматый с отрядом вакханок высадился в устье реки Стримон, Ликург не принял его, как бога. И гнал бичом до Арнейских скал, пока незваные гости не попрыгали в море.

– Бичом?

Восторг захлестнул мальчика. Будто наяву, он представил грозного Ликурга – лицо вождя было лицом самого Амфитриона – с занесенным бичом. От каждого удара над скалами рассыпались молнии. Безумные вакханки кидались вниз, предпочитая смерть в бурных волнах. В это стоило поиграть на берегу залива – если, конечно, удастся найти кого-то на роль вакханок.

– Говорят, Косматого спасла Фетида Морская, корифей nereид. Но я склоняюсь к тому, что он просто укрылся в гроте и пересидел гнев Ликурга. Косматый – мастер отводить глаза...

– Так он желал дедушке победы?

– Кто? Косматый?!

– Ну этот, из толпы! «И с тобой будет, как с Ликуртом...» – и дедушка, значит, победит! Бичом, со скал...

Алкей вздохнул, с любовью глядя на сына. Видя в Амфитрионе свое продолжение, не испорченное болезнью, он знал, что детская наивность со временем уступит место циничному опыту. Но всегда жалел, когда мальчик делал еще один шаг в этом направлении.

– Вряд ли, дружок. Не думаю, что судьба Ликурга столь уж привлекательна. Вскоре после изгнания Косматого он убил Дрианта, собственного первенца.

– Бичом?

Восторг уходил. Его сменял страх, вернувшись из недолгих странствий. Слишком часто сегодня родители убивали детей, чтобы мальчик не примерил это на себя. Нет, папа Алкей никогда, ни за что!.. и мама Лисидика...

– Секирой. Ходили сплетни, что Косматый в обиде наслал на Ликурга безумие, и тот принял сына за виноградную лозу. Но Спартак рассказал мне, что юный Дриант тайком воздвиг алтарь Косматому, где совершал жертвенные возлияния. При поддержке нового бога щенок хотел свергнуть отца и стать вождем. Что ж, Ликург успел первым, покарвав сына за предательство.

– Ты веришь ему?

– Я склонен верить Спартаку. Но эдоны поверили сплетням. А тут еще и неурожай... В голодное время народ звереет. Кто-то – полагаю, сам Косматый под личиной – обвинил Ликурга. Олимп, мол, разгневан смертью Дрианта, нужна искупительная жертва... Эдоны отвели своего вождя к отрогам Пангея, где и бросили под копыта мчащегося табуна. Спартак сказал, что Ликург был еще жив, когда вакханки кинулись терзать обезображенное тело.

– Вакханки?

– Как-то очень вовремя они объявились на месте казни, не находишь? Спартак даже называл мне их имена: Флио, Эрифа, Феоп... Дальше не помню.

– А Ликург? Он что, не мог эдонов – бичом?!

– Ликург дал себя казнить. Его сломила двойная измена: сына и соплеменников. Пожалуй, он умер с радостью. Если кто и сопротивлялся, так это Спартак.

– Наш Спартак?

– Тогда он был не наш, а эдонский. Спартак дрался за вождя до последнего. Его избили так, что сочли мертвым и бросили на корм птицам. Жена выходила его, и вскоре Спартак покинул берега Стримона. Через год он осел у нас, в Тиринфе. Твой дедушка дал ему то, чего

не дали другие басилеи – возможность открыто ненавидеть Косматого и мстить за Ликурга. К сожалению, враг Спартака ударил исподтишка...

Жестом Алкей велел стражнику принести ему шлем, валявшийся на куче доспехов. Шлем был старый-престарый – шапка из бычьей шкуры с нашитыми бляхами. Пальцы Алкея подергали бляхи, проверяя, крепко ли держатся; оторвали одну, затем другую. Кожа под бляхами выглядела поновее, зато в остальных местах она давно высохла и потрескалась. Наушники Алкей дергать не стал, во избежание.

– Выбросить? – предположил он. – Отдать рабам?

Стражник сплюнул под ноги, демонстрируя презрение к рухляди.

– Как мыслишь, а? – обратился Алкей к сыну.

Амфитрион кивнул. Судьба шлема мало интересовала мальчика. Он не сомневался, что отец задал вопрос с единственной целью – отвлечь сына от истории Ликурга. От вывода, напрашивающегося с ходу: человек, сраженный камнем Персея, желал дедушке смерти от рук тиринфян. И толпа была на его стороне. От мятежа людей удерживал страх, но есть вещи сильнее страха. Случись в городе мор, или голод, или вакхические безумства среди женщин участвятся, круша семьи, как ветер ломает сухие ветки деревьев...

– Дедушка ни за что не даст казнить себя, – сказал мальчик, твердо глядя на отца. – Даже если никто, кроме меня, не вступится за дедушку...

– Это правда, дружок, – согласился Алкей. Голос старшего Персеида дал трещину, будто кожа дряхлого шлема. Слова сыпались под ноги бронзовыми кругляшами. – Чистая правда. Твой дед никогда не согласится стать искупительной жертвой. Он тут всех похоронит: врагов, друзей, вакханок, табун лошадей... А войну продолжит. Такой уж он человек. Одно слово – Истребитель...

– Типун тебе на язык! Совсем сдурел, дурень хромой...

Мама Лисидика умела подкрадываться тише хорька. Зато, настигнув добычу, она делалась громче шторма. Стражники попятились и сделали вид, что оглохли. Звать мужа «хромым дурнем» – это было привилегией Лисидики. Оскорби Алкея кто другой, или просто ухмыльнись, демонстрируя, что все слышал – дочь Пелопса Проклятого рвала дерзкого в клочья, и каждый клоч надолго запоминал черный день.

– Ребенок от твоих бредней зайкой сделается!

– Уйди, женщина, – мягко сказал Алкей. – Поколочу, знаешь ли...

Он ни разу в жизни не поднимал руку на жену.

– Ходить под себя начнет! Щекой дергать! – перспективы, обрисованные Лисидикой, ужаснули бы кого угодно. – Иди сюда, мой маленький, иди к мамочке...

Объятая матери пахли нардом и майораном.

– Не бойся, мой хороший! Боги милостивы к нам...

Заключен в двойной круг защиты – кольцо материнских рук и мощь стен цитадели – Амфитрион не ощутил покоя. Ни один ребенок в городе с сегодняшнего дня не был в безопасности рядом с матерью или сестрой. Косматый пришел в Тиринф, и привычный уклад рухнул. Так рушатся царства и мечты – в миг единый. Мальчик не думал об этом – в юном возрасте трудно даются обобщения – но, когда он без возражений плелся за Лисидикой, ему казалось, что он чужак в незнакомой стране.

5

- ...врешь!
- Не вру. Правда, богиня. Морская...
- Может, у тебя и отец – бог?
- Не, папашка не бог. Кормчий у меня папашка. Был.
- Был, да сплыл?
- Жена-богиня в море утопила?
- В вине!
- Тресь!

Амфитрион с удовольствием проследил, как дразнила-Эвримах кубарем катится по плитам двора. Так Эвримаху и надо – вечно язык распускает. Кто это его? Ватага мальчишек загудела осиным роем, но, против ожидания, не сомкнулась, погребая под собой обидчика, а раздалась в стороны. В центре обнаружился детина в драном хитоне. Он слегка присел, выставив вперед руки-окорока – точь-в-точь учитель борьбы. Сразу видно: этому драться не впервой. Похоже, парню было все равно, сколько перед ним противников.

- Бей заброду! – крикнул Эвримах, поднимаясь на ноги.
- И осекся, схвачен за шиворот Амфитрионом.
- Ты чего раскомандовался?
- А чего он дерется?! Приперся и дерется...
- А ты чего обзываешься? Я все слышал.
- А чего он врет?
- Я? Вру?! – детина обиделся. – Еще хочешь?
- Ты Эвримаха не трожь, – встрял Гий, сын терета ¹³ Филандра. – Ты тут вообще...
- А если б Эвримах про *твоего* отца так сказал? – осадил его Амфитрион.
- Я б ему в ухо дал!
- Вот он и дал.

Гий почесал в затылке – и расхохотался. Да так заразительно, держась за живот и указывая пальцем то на детину, то на Эвримаха, что вскоре хохотали уже все, включая пришлого. Один Эвримах дулся, но про него забыли.

– Радуйся! Я – Амфитрион, сын Алкея, – по-взрослому приветствовал гостя Амфитрион, отсмеявшись. Дедушку Персея он решил не упоминать, чтоб не подумали, будто он хвастается.

– Радуюсь, – согласился детина. – Я – этот... Тритон ¹⁴ я. А папашку звать Навплиандром. Третий я у папашки, вот и Тритон, значит. Ну, и в честь бога, да. Только бог, он с хвостом, а я так...

- А ты хвостом деланный! – отыгрался Эвримах.

В ответ Тритон сжал кулаки. В глазах его стояли слезы: то ли вот-вот расплечется, то ли кинется дубасить всех подряд. Амфитрион на всякий случай отступил. Таким кулачищем попадет – зашибет насмерть. Эвримаху повезло: он легкий, просто улетел. А могла голова отдельно улететь, а тело – отдельно.

- Тебе сколько лет-то, Тритон?
- Десять. И еще четыре. А что?

¹³ Терет – знатный человек, приближенный к правителю.

¹⁴ Тритон (Τρίτων) – от греч. τρίτος (тритос) – «третий». Бог Тритон – сын Посейдона и Амфитриты, изображался в виде старца или юноши с рыбьим хвостом вместо ног.

Эвримах выразительно постучал себя по лбу, открыв рот. Звук вышел – будто из пустого горшка. Мол, все ясно с этим Тритоном. Ветер между ушами гуляет. Где ж оно видано, чтоб матерый парняга с мелочью водился?

«Папа рассказывал, – вспомнил Амфитрион, – рассудком скорбные врать не умеют. Ума им для вранья не хватает...»

– Не слушай ты их, Тритон. Отец твой – кормчий?

– Ага...

– На корабле плавал?

– Плавает дерьмо в луже! На корабле ходят...

Фраза была чужая, не Тритонова.

– А ты сам в море ходил?

– А то! – Тритон приосанился, забыв про обиды. – С папашкой, значит, и брательниками. Я сильный! С семи лет в матросах...

– Залива... – начал было Эвримах.

Амфитрион, не оборачиваясь – как умел это делать дедушка Персей – показал ему кулак, и Эвримах заткнулся.

– А в Тиринфе ты как оказался?

– Дык с папашкой я! Он к вашему, значит... К Персею. Он там, а я жду.

Тритон поразмыслил и уточнил:

– Тут.

– Зачем?

– Папашки нет, вот и жду!

– С тобой все ясно. Отец твой зачем к Персею пришел?

– Ну ты совсем глупый... Воевать пришел.

– С кем?!

На миг почудилось невообразимое: какой-то кормчий, отец придурка-Тритона, прибыл в Тиринф, чтобы объявить войну Персею Горгоноубийце. Сейчас выйдут на двор, шлемоблещущие, и сойдутся на копьях... К счастью, Тритон развеял это дикое подозрение, заменив его на еще более дикое:

– С гадом этим... С Косматым. С кем же еще? Папашка раньше боялся. Винище год лакал. Неразбавленное. Орал ночами – я аж прятался. А потом как даст кулаком в стену! Все, мол. Иду, значит, к Персею. Косматого бить. За наших утопленников. Айда со мной, болван? Ну я и айда. Куда ж я без папашки?

От слов парня Амфитриона пробрала дрожь. Косматого бить? Танцует во дворе одержимая – эвоэ, Вахх! Ветер пахнет кровью – эвоэ, Вахх! Топчут кони грозного Ликурга – эван эвоэ, Вахх! Слишком много за один день для впечатлительного мальчишки. Может, потому и вступился Амфитрион за пришлого, потому и развязал язык пустоголовому здоровиле: слушать бесхитростные байки про волны и корабли. Забыть о вакханалии, о грозовой туче над Тиринфом... Не получилось. И тут – Косматый. Неужели это и есть проклятие?

– Ты ничего не путаешь? С чего бы кормчему воевать с Косматым?

Тритон в ответ осклабился – мол, меня не проведешь! Из уголка рта на хитон закапала слюна, но парень этого не заметил, увлечен беседой. С ним говорили, его слушали; он – в центре внимания! Связная речь давалась Тритону с трудом, но он очень старался.

– Дык все ж знают! Про Персея. Что они с Косматым... ну... Враги, значит! Вот папашка и решил... К Персею, да. Чтоб тоже, это... Косматого по шее! За брательников, за команду нашу... Мы ж не знали, что он... Ну, продать хотели, не без того... А он, гадюка... наши потонули-то, значит, – Тритон шмыгнул носом. – На дно пошли. Одни мы с папашкой остались. Чисто сироты. А мы ж пираты, мы за своих глотку рвать должны...

– Пираты? – ахнул Амфитрион.

И больше не перебивал.

ПАРАБАСА ¹⁵. ТИРРЕНСКИЕ ПИРАТЫ

Икария скрылась за горизонтом. Ладья переваливалась на пологой зыби, как баба на сносях, ковыляющая по гальке берега. Корабль забирал на восток, в сторону не видного пока острова Самос. С небес исправно жарил Гелиос – из каждой волны подмигивал, слезу из глаз вышибал. На небе – ни облачка. Сплошь выцветшая бирюза, без единой белой трещинки. А вот поди ж ты – упала на море дурная муть. В пяти стадиях не разглядишь ничего: парное молоко...

Что за напасть, Тифон ее заешь?

Выругавшись, кормчий Навплиандр сплюнул на палубу. Настоящий моряк за борт харкать, Владыку Пелагия ¹⁶ гневить, не станет. Ладно, места знакомые. Мимо Самоса не промахнемся.

– Не сбились ли мы с курса, уважаемый?

Перед Навплиандром, как прыщ на ровном месте, подбоченился смазливый юнец – единственный пассажир ладьи, он взошел на борт в гавани Икарии. Юнцу нужно было на Наксос. «Туда и идем,» – не моргнув глазом, сообщил красавчику племянник кормчего, и тайком подмигнул дяде. Дядя с одобрением кивнул обоим: да, мол, на Наксос; молодец, племяш. Сейчас, окинув взглядом женственную фигуру юнца, Навплиандр в очередной раз уверился: удача сама приплыла в руки. Ишь, бедро выпятил – точно баба! Пухлые губы, кудряшки... На невольничьем рынке Самоса найдутся любители насадить красавца на вертел и славно поджарить. Хорошую цену отвалят. Устроим торг – пусть дерутся, набавляют...

«Не воспользоваться ли удачным моментом? Нет, не стоит. Посадишь дураку синяк, он и подешевеет.»

– Не сбились.

– Тогда почему Гелиос у нас справа по носу?

– А где он должен быть?

– Слева за кормой. Если мы и впрямь идем на Наксос...

Юнец попался ушлый. Но это уже не имело значения. Рано или поздно его все равно пришлось бы связать. Почему не сейчас?

– На Наксос. Считаю, прибыли...

Ладья шла в четыре весла из восьми. Ветер был попутный, и парус обеспечивал хороший ход. Половина команды бездельничала. Навплиандр подал знак старшим сыновьям. Те поняли без слов.

– Лжете, уважаемый! – рассмеялся юнец. – Вы сменили курс. Почему?

Смех его не понравился кормчему. К счастью, рядом с наглецом уже стоял малыш Тритон. Дитина обхватил красавчика поперек живота, прижав руки к телу. Что-то хрустнуло. Тритон сопел и держал.

– Потому что! – весело гаркнул в ухо пленнику старший сын кормчего.

– Куда надо, туда и идем, – добавил средний в другое ухо.

Юнец не пытался вырваться. И облегчать душу бранью не стал. Он всего лишь смотрел на кормчего с неодобрением. Очень скверно смотрел. За такой взгляд Навплиандр без раздумий бил в зубы. Но портить товар – не дело. Пусть смотрит, недолго осталось.

– К мачте его!

¹⁵ Парабаса – букв. «отступление» (от основной линии повествования).

¹⁶ Пелагий – Морской. Постоянный эпитет бога морей Посейдона.

Тритон потащил пленника к единственной мачте ладьи. Старшие братья тоже времени зря не теряли. Едва Тритон ослабил хватку, они мигом свели руки юнца позади мачты, крепко-накрепко стянув их веревкой.

– Готово, папаша.

– Как думаете, много за него отвалят на Самосе?

Братья оглянулись на добычу, прикидывая цену – и попятились, творя охранительные знаки. Средний споткнулся, с размаху сев на палубу. В другой раз команда поржала бы от души. Шутки пиратов не отличались утонченностью. Но сейчас смех гулял в иных краях. Место смеха на ладье занял другой попутчик – страх.

Вместо юнца к мачте был привязан кряжистый дядька. Иней седины в спутанных волосах. Косматая, как мех зверя, борода. И колючий блеск из-под кустистых бровей.

– Это еще кто?!

Дядька в ответ запрокинул лицо к небу – и, оскалившись, захохотал. Гулко, с жутковатым эхом, словно из недр винного пифоса. Вдулись корнями дерева жилы на мощной шее. Звук лавой kloкотал в горле, превращаясь в рокот обвала, львиный рык, вой ветра, раскаты грома, топот несущегося табуна...

– Спаси, Асфалий! ¹⁷

Мачту стремительно оплетал ядовитый плющ. По бортам поползли виноградные лозы, обрастая листьями. Тут и там закачались спелые гроздья – иссиня-черные, с сизым налетом. Лозы усиками вцепились в весла – не отодрать. Гребцы в испуге вскочили со своих скамей. Плющ тем временем пожрал оснастку и рей; парус обвис, расплываясь ветошью. Волна ароматов, туманящих разум, накрыла ладью, вытеснив привычный запах моря и водорослей. Звериный мускус, прель грибов, хмельной дух вина; свежесть травы и смрад гниения. По веслам прошла судорога. Они вдруг зашевелились, извиваясь, как змеи. Да это и были змеи! Разевающие бездонные пасти, гады с шипением поползли к морьякам. С клыков на палубу падали капли яда, разъедавая прочное дерево.

Боги, за что караете?!

А пленник у мачты хохотал без умолку, и шелестела листвой ладья, обернувшись плавающими зарослями, и лился с вышины безумный напев флейты, а из тьмы, сгустившейся на носу, неся глухой рык, и сверкали во мраке желтые глаза, вспарывая сознание лезвием паники. Пленник заревел, рот его жутко растянулся, превращаясь в оскаленную пасть зверя. Миг – и на палубе уже бесновался, хлеща себя хвостом по бокам, желто-рыжий лев с косматой гривой. Тьма разверзлась, выпуская на свободу четверку пантер; гиганты-удавы со зловещим шелестом взметнулись в небо – выше мачты; нависли над морьяками...

– В воду!

– Помилуй нас, Владыка Морей!

– Левкофея, богиня моя! Приди на помощь!

Морьяки прыгали за борт, спасаясь от когтей и клыков. Нет, не прыгали – падали в воду, с трудом перевалившись через край, камнями шли на дно. Ужас смертным холодом сковал их члены, не позволяя всплыть, глотнуть спасительного воздуха.

– Папаша!

Тритон замешкался, как всегда. Он готов был кинуться в море – выручать отца! – когда в темно-синей глубине возник серебристый, тихо мерцающий силуэт. Он проступал из мглы, возносясь к поверхности.

– Мамка!

¹⁷ Асфалий – Дарующий Безопасность. Еще один эпитет Посейдона.

Парень замахал рукой, раздумав прыгать. Раз мамка здесь – все будет хорошо. Море вспухло глянцевыми спинами. Это сводный брат Тритона, дельфиний пастух Палемон, привел «стадо». Тритон замахал обеими руками – и едва не свалился в воду.

– Палемон! Мамка! Папашу спасайте...

В ответ богиня изогнулась с нечеловеческой грацией – и без всплеска ушла в пучину. Тритон шумно выдохнул, с размаху сев на палубу. Мамка справится без него. Богиня она мелкая, не из важных, но и папашу спасать – не шторм усмирять. В другой раз он бы с удовольствием прокатился на дельфине, но сейчас было не до игр. Оглядевшись, парень сообразил, что звери исчезли. Истлевали на глазах, превращаясь в дымку, плющ и лозы. К ладье возвращался ее первоначальный вид. Весла, как весла – обычные, деревянные. И парус целехонек, ничего с ним не сделалось.

Однако наваждение не кончилось. У мачты, крепко привязанный, сидел голый мальчишка лет пяти. Кудрявый, жирный и такой чистенький, каких не бывает. На кудряша кто-то навешал бабских цапек: ожерелье на шее, витой браслет на запястье. Дитя не по возрасту гнусно ухмылялось. «Чего лыбишься, мелкота?» – хотел сказать ему Тритон, но тут его позвали из-за борта. Мамка выловила папашу, и следовало втащить Навплиандра на борт. Папаша был плох: кашлял, хрипел, закатывал глаза. На палубе его начало рвать водой – так долго, что Тритон даже испугался.

Над бортом вознеслось узкое, почти змеиное тело богини. Как и все *морские*, Левкофея легко меняла облик. Взгляд ее агатовых глаз был устремлен на скверного мальчишку у мачты. Весь вид богини выражал суровую укоризну. Тритон уверился: сейчас мамка утащит гаденыша в пучину. Однако богиня лишь осуждающе покачала головой и погрозила пальцем.

Кудряш хотел покаянно развести руками, но не смог: руки-то были связаны. Тогда он скорчил умильную рожицу: «Прости, мол! Ну, пошалил...» Богиня вздохнула – совсем по-человечески – и серебряным фонтаном опала в воду.

– Развяжи меня.

В голосе звучал приказ. Голос был взрослый. Такой мог бы принадлежать отцу. Или косматому дядьке, который хохотал у мачты. Тритон привык слушаться приказов. Не чинясь, он стал развязывать веревки. Змеи на запястье и шее кудряша – их Тритон принял за цапки – подняли точеные головки, мелькая язычками. Но Тритон и не собирался обижать змееносца. Он очень старался, сорвав себе ноготь на большом пальце, и вскоре руки мальчика были свободны. В благодарность кудряш боднул Тритона головой в живот.

– Ай! Ты чего?

Под ребра ткнулись твердые острия. Рожки? Мальчишка не походил на сатира, да и ноги у него были не козлиные – человечьи. Миг, и перед Тритоном уже сидел косматый дядька. Он подмигнул парню, но обратился не к Тритону, а к его отцу.

– Ты мне понравился, кормчий. Ты хотел меня... Ведь хотел, да?

Кормчий затрясся от страха.

– Это хорошо. Люблю таких.

Навлиандр ощутил у себя в паху ладонь – узкую, мальчишескую, хотя кудряш исчез, а косматый стоял у мачты и не думал приближаться. Ладонь сжалась и исчезла, оставив давящий холод. Кормчего вырвало желчью. Если он чего и хотел, так это снова выброситься за борт.

– Ты обещал доставить меня на Наксос, – сказал Косматый. – И ты сделаешь это.

* * *

– До Наксоса? Втроем?

В глазах детворы плескалось море, и шелестел плющ под ветром, и носились по палубе звери с горящими глазами.

– Ага. Парус поставили. Мы с Косматым – на весла. Он одно взял, я – другое. Папашка правил...

– А твоя мама? – Гий встряхнулся мокрым псом.

– Уплыла мамка-то...

– Что ж она остальных не вытащила?

– Дык папашка... он же это... Муж, значит. А остальные ей никто.

– Поня-я-ятно, – протянул Эвримах.

По его тону читалось: ничего ему не понятно, и Тритону он не верит.

– Ты Косматого развязал? – спросил Амфитрион.

– Ага.

– Он что, сам развязаться не мог? Львы, змеи, а веревки стряхнуть – слабо?

– Не знаю, – огорчился Тритон. – Может, он играл?

6

Нельзя сказать, что родственники свалились, как дождь на голову. Гонец, отраженный Алкеем, пятый день дежурил на дороге, ведущей в Тиринф из Микен. Ему было строго-настрого велено: спать вполглаза, не напиваться, а главное, едва объявятся микенские колесницы – бегом бежать обратно с благой вестью. Он и побежал, да так быстро, что на целый час опередил колесницы. Дороги Арголиты каменисты, своенравны, и к колесам расположены куда менее, чем к обычным сандалиям. А гонец неся, отрабатывая дни сытого безделья, так, словно на ногах у него были знаменитые Таларии – крылатая обувь Гермия Душеводителя.

– Радость! Ра-а-адость! – горланил он.

В городе его чуть не побили. Мало кто хотел сегодня радоваться. «Ра-а-а...» – горсть овечьих катышков ударила в спину гонца. Кувшин воды, вылитый с крыши, пришелся кстати – освеженный, гонец встряхнулся и прибавил ходу.

– Радость! – взлетело на вершину холма.

Если раньше во дворце царствовал великий Персей, то сейчас тирана свергли. На его месте воцарились буйные богини – кутерьма и суматоха. Варилось мясо в котлах, до блеска начищалась драгоценная посуда. В гинекей¹⁸ тащили охапки свежего тростника. Следом, подгоняемые неистовой Лисидикой, рабыни несли корзины с душистыми цветами. Грелась вода в женских купальнях. Строились в ряд флаконы с сурьмой и румянами, розовым маслом и шафранными притираниями. Ждали своего часа тонкогорлые, как цапли, амфоры с вином – хиосским, фасийским, душистым афинтитесом¹⁹. В глубокие блюда выкладывались сливы, миндаль, смоквы, изюм черный и золотой; лакомство густо заливалось свежим, янтарным медом.

И вот наконец...

– Доченька! – ахнула Лисидика. – Внушенька!

Доченька Анаксо сошла с колесницы, держа на руках годовалую внушеньку Алкмену. За локти Анаксо поддерживали два крепких раба – упасы, Гера Очажная, еще оступится! К семнадцати годам старшая сестра Амфитриона сильно располнела; а может, снова была в тягости. Выдана замуж тринадцатилетней за родного дядю – ее муж Электрион, басилей Микен, был вторым сыном Персея – она что ни год рожала двойню, сделав перерыв на дочку-одиночку. В отличие от матери, подарившей супругу саму Анаксо и, спустя долгий срок, Амфитриона, молодая женщина уже осчастливила микенский трон четверкой наследников – и не собиралась останавливаться на достигнутом.

Начались поцелуи. Несмотря на то, что губы были заняты делом, гвалт стоял такой – хоть из дворца беги. Амфитриону тоже досталось. Сестра, учитывая разницу в возрасте, с колыбели была ему второй мамой, и сейчас отличилась на славу – измяла, обслюнявила и двадцать раз изумилась, как же он вырос.

– Вот! – брякнула она в конце. – Невесту тебе привезла!

– Какую невесту? – возмутился мальчик. – Где?

– Да вот же!

Под нос Амфитриону ткнули пухлое, хихикающее существо. От «невесты» пахло молоком и дорогой. Кажется, ее следовало хорошенько вымыть. Словно прочитав мысли мальчика, «невеста» вдруг заорала благим матом и больно-пребольно дернула Амфитриона за чуб. Он

¹⁸ Гинекей – женские покои.

¹⁹ Афинтитес – сладкое вино из увяленного винограда ароматных сортов с добавлением специй и трав: миндаля, кедровых орехов, шафрана, кардамона, семян сельфиды, колосков нарды, полыни горькой.

даже вскрикнул от неожиданности. Приятели в голос потешались над беднягой. Один Тритон сочувствовал басом.

«От баб все беды...» – дальше мальчик не расслышал.

– Дурачок! – веселилась Анаксо. – Своего счастья не понимаешь!

– Ага, счастья, – буркнул жених. – Сопли ему вытирай, счастьем...

– Неблагодарный! Я ее нарочно для тебя родила!

– А я не просил...

– Могла же двух героев состряпать! Нет, думаю, брату хорошая девка нужна! Слепила двух героев вместе, поднатужилась... Гляжу – и впрямь девка! Целой армии стоит!

Стража, сопровождавшая Анаксо, громыхнула хохотом – словно мечами в щиты ударили. Им вторила тиринфская челядь. Мальчик готов был сквозь землю провалиться, или сбежать на край Ойкумены – увы, людской круг не оставил ему лазейки. Треклятая соплячка тем временем крутила ему нос с явным намерением оторвать. Пальцы у «невесты» оказались медными. При любой попытке Амфитриона освободиться девчонка корчила угрожающую рожу: заору! нажалуюсь!

– Я ей дядя... – наконец сообразил мальчик.

– Ну и что? – любимая сестра сражалась до последнего. – Мой Электрион мне тоже дядя! Ничего, строгают героев – любо-дорого глянуть... А ты ж Алкменочке не просто дядя! Ты ей еще двоюродный братик по отцу! У нас в роду любят на своих жениться... Оттого и близнецы, что ни год, родятся!

Женщины загомонили, припоминая знаменитых близнецов из числа родичей. Бабья память, вопреки пословицам, оказалась долгой. Первыми всплыли пращуры Бел и Агенор, затем – Эгипт и Данай, Акрисий и Проит²⁰; двойни самой Анаксо... Судя по списку оглашаемых подвигов, близнецы эти грызлись всю жизнь, норовя любым способом прикончить брата с его потомством. «Только близнецов мне не хватало! – страдал мальчик, отдав нос в распоряжение мучительницы. – Ну, невеста... Ладно, стерплю. Но близнецы! Они ж как начнут драться, а мне их мирить... Сто лет подряд – они дерутся, я мирю! Зевс, избавь меня от такой участи!»

Зевс, кажется, снизошел. Гостей утащили мыться, лошадей увели в конюшню, и Амфитрион, отвесив подзатыльник злоязыкому Эвримаху, удрал на восточную галерею. Там он и сидел, смурной от расстройства чувств, пока за ним не прибежала молоденькая рабыня – семья садилась трапезничать, и мама Лисидика звала «нашего женишка».

Рабыня, зараза, так и сказала: «женишка».

²⁰ Бел и Агенор – сыновья Ливии, египетской царевны, и Посейдона. Эгипт и Данай – сыновья Бела, родные дяди Андромеды, жены Персея; в то же время Данай – предок самого Персея. Враждовали из-за наследства Бела. Сыновья Эгипта женились на дочерях Даная, желая убить их в брачную ночь, но сестры-Данаиды успели раньше. Акрисий и Проит – правнуки Даная. Акрисий – дед Персея. Враждовать братья начали еще во чреве матери – и успешно продолжили это дело в дальнейшем.

7

Ночь шла от Лернейских болот, мягко ступая босыми ногами. Укрывшись пеплосом из темно-фиалковой шерсти, нежной, как дыхание спящего младенца, богиня никуда не торопилась. Золото блестело в ее кудрях, серебро рассыпалось при каждом шаге. Что ни вечер, она, верная закону времен, восставала к обитателям Арголиты из провала, ведущего в подземное царство Аида. Горе смертному, застигнутому тьмой близ Алкионского озера! Не проснуться утром бедняге, если упал на него первый скучающий взор дочери Хаоса и жены-сестры Эреба Мрачного. Ко всем остальным ночь была благосклонна. Щедро одаривала усталых отдыхом, волнующихся – забытием, беспокойных – тихими грезами. Щебетали птицы в кронах платанов. Дремой дышали гранаты, растущие на скалах. Прятался в кусты фазан, избегая встречи с шакалом. Долго ночи идти от Лерны до могучих стен Тиринфа – час, не меньше. Нет для богини крепостей, каких бы она не взяла.

Мальчик, едва дыша, следил за движением ночи.

Поздно вечером, когда в мегароне ²¹ еще продолжалось веселье, он опять сбежал на галерею. Здесь он провел много вечеров, пока темнота или крики рабынь, посланных матерью, не возвращали его под крышу. Дни Амфитриона кипели от усилий тела, от них несло соленым потом. Зато вечер приносил облегчение и смутную тоску по несбывшемуся. Если тоска перевешивает, облекаясь в слова – люди берут лиру, становясь певцами. В судьбе мальчика лирой был меч. Но галерея, кутаясь в сумерки, шепталась с Амфитрионом о том, что меч – не главная мера всего.

– Хватит. Иди спать.

Голос деда вернул мальчика к действительности. Словам не предшествовал звук дыхания или шорох сандалий по камню – ничего. Казалось, Персей соткался из воздуха, из фиалкового покрывала богини. Дед подошел к зубцам стены, сцепил руки за спиной и молча уставился вдаль.

Ждал, когда внук исполнит приказ.

Внук медлил. Драка в палестре, пираты, приезд сестры – события закружились, ловя свой хвост, и возвратились к началу. Ответ, полученный раньше, сейчас не годился для Амфитриона. Набывчившись, мальчик собрал всю решимость – для этого ему понадобилось вспомнить вакханку во дворе Спартака – и спросил:

– Почему ты не убил ее, дедушка?

– Ты по-прежнему считаешь, что ее непременно надо было убить?

– Нет. Я просто хочу знать, почему ты...

Пауза. Мальчику не хватало слов.

– Почему ты этого не сделал. Я хочу знать правду.

Он ожидал гнева. Даже затрешины. Дед терпеть не мог, когда его спрашивают дважды. И очень удивился, когда Персей спокойно, как взрослому, объяснил:

– Жена Спартака была на излете вакханалии. Яд безумия выдохся. Сильная боль вернула бы ей рассудок. Я выбрал боль, и не сделал Спартака вдовцом. Если ты знаешь лучший выход, скажи.

– На излете? Как ты понял это?

– Как охотничий пес чует нору кролика? Я не сумею объяснить тебе.

– Почему?

– Я – сын Златого Дождя ²². Ты – сын хромого Алкея. И это не единственное отличие между нами. Радуйся, что ты – не я.

²¹ Мегарон – главный зал дома.

²² Зевс явился к Дане, матери Персея, в облике золотого дождя.

Персей не был груб. Он так говорил со всеми. Мальчик знал это, и гордился, что дед беседует с ним чаще, чем с другими, выделяя из семьи. Будь Амфитрион старше – или мудрее – он догадался бы, что дед видит не только их различие, но и сходство, что вызывает в Персее беспокойство за судьбу внука.

– А если бы вакханалия была в зените?

– Я убил бы ее.

Да, вздрогнул мальчик. Убил бы. Без колебаний.

– А может... Не лучше ли было связать тетю Киниску? Запереть в доме? Пусть зенит, пусть! Она бы пересидела под замком, пока яд не выдохся. Потом ты причинил бы ей боль, и она бы выздоровела...

– Тогда, – голос деда превратился в лед, – вся Аргоида запомнила бы, что я должен лечить каждую вакханку. Что я взвешиваю камень на ладони, прежде чем бросить. А Косматый запомнил бы, что я слаб. Два поражения кряду. Ты – скверный стратег.

– Ты – слаб? Дионис ни за что бы...

Мальчик не заметил удара. Просто ног не стало, и камень стены ткнулся в затылок, а настил галереи – в ягодицы. Из носа и разбитого рта текла кровь. Капли пачкали хитон, расплываясь черными пятнами. Губы вспухли, язык превратился в кляп. Говорить было пыткой, но молчать Амфитрион не мог, потому что дед уже задал вопрос:

– За что я наказал тебя?

– В твоём доме... В твоём городе не произносят этого имени.

– В моём присутствии. Я достаточно умен, чтобы признать: за моей спиной шепчутся о чем угодно. Почему это имя не должно звучать при мне?

Кровь мало-помалу останавливалась.

– В нём есть божественный звук ²³. А ты не считаешь Косматого богом.

– Верно, – кивнул Персей. Он разглядывал тыльную сторону своей ладони, как если бы впервые её видел. – Имя моего Олимпийского отца священо.

Ударь дед стену, думал мальчик, и зубец откололся бы.

– Его нельзя марать, замешивая в имя Косматого. Таков закон. И то, что ты – мой внук, тебя не извиняет. Как и то, что ты – ребенок. Иди умойся. И бегом спать.

²³ Дионис (Διόνυσος, Διώνυσος) – в имени присутствует корень «дио», от греч. Ζεύς (Διός), т. е. Зевс. Аналогично лат. deus – «бог».

8

Капризная луна-Селена спряталась за облаками, едва Амфитрион ночью выбрался во двор. Еще мгновение назад двор был залит лунным молоком, а тут раз – и темень, как в Тартаре. Лишь край лохматой тучи над заливом мерцал серебром, будто в насмешку.

Амфитрион горестно вздохнул. Вздох вышел натужный, с присвистом. Левую ноздрю забила подсохшая кровь. Выковырять сгусток пальцем? Только хуже будет: снова кровь пойдет. Саднили разбитые губы. И громче прочих напоминал о себе мочевого пузырь. Это его требовательный зов поднял мальчика с постели. Можно было, конечно, воспользоваться «нужным» горшком, и никуда не ходить. Но Амфитриону не хотелось журчанием будить спящих рядом.

Ну ее, луну! Тут идти-то...

Мальчик зашлепал по гладким плитам через двор. Отхожее место – яма, прикрытая досками – располагалось в дальнем закутке. Миновав проход, ведущий на женскую половину дворца, он уже, считай, добрался до возжеленной цели. Шаг, другой, и на фоне стены, беленой известью, ему почудилось движение. Амфитрион замер, всматриваясь до рези в глазах.

Еще кому-то приспичило?

Взгляду открылась смутная фигура, закутанная в пеплос²⁴. Ага, женщина. Потому и решила переждать у стены – чтоб не усаживаться рядом с мальчишкой.

– Ты это... – буркнул Амфитрион. – Ты иди. Я подожду.

Он с трудом сдерживал мучительные позывы. Ничего, мы – герои, мы потерпим. Узнав, что обнаружена, женщина отделилась от стены. Тут и луну одолело любопытство. Взмахом руки богиня прогнала облако, перемигнулась с ночью, и та отдернула свою аспидную накидку, являя взорам блеск подкладки. Двор словно выморозило: плиты покрыл звездный иней. Перламутровый свет и угольные тени высекли из мрака статую: мать со спящим ребенком на руках.

– Анаксо?

Женщина молчала. Нет, не сестра, понял Амфитрион. Эта выше и стройнее толстухи-Анаксо. Ребенок у нее на руках... Алкмена?! Для мальчика все младенцы были на одно лицо. А ночью – и подавно. Зато льняное покрывало, в которое была завернута племянница – с бахромой по краю – он запомнил.

– Эй, ты кто?

Тишина.

– Рабыня? Служанка Анаксо?

– Мужчина... герой...

– Не ври мне! Какая ты мужчина?

– ...юный, прекрасный...

Голос звучал вкрадчиво, как шепот ветра.

– Ты чего болтаешь?! – возмутился Амфитрион. – Дура!

– Смелый... богоравный...

В гневе мальчик сделал шаг навстречу: заглянуть под пеплос, брошенный на голову, выяснить, кто из прислуги смеет дерзить внуку Персея? Пьяная она, что ли? Нос прочистился сам собой. Воздух пах телом – разгоряченным, потным – и мускусом критских благовоний. Хотелось горстями захпихивать в себя этот нервный воздух. Давиться им, как голодный – сдобной лепешкой. Голова пошла кругом, словно дед еще раз наградил внука затрещиной. Рано было Амфитриону дышать тайными ароматами. Или нет? Тяжесть внизу живота, упруго возставшая плоть – так бывало по утрам, когда, проснувшись, он еле сдерживал позыв облегчиться...

²⁴ Пеплос – женское покрывало.

– Иди, иди ко мне... Ты ведь еще не знал женщины?

Пеплос распахнулся. Свет луны упал на обнажившуюся ногу незнакомки. На мосластую ногу ослицы, покрытую клочковатой шерстью, с медным копытом на конце.

– Эмпуза ²⁵!

Нянька в детстве не жалела страшилок: «Будешь шалить – придет Эмпуза, вспорот тебе пузо! Затапчет ослиной ногой, кровь выпьет, мясо съест...» Отец злился: «Сдурела? Нет никакой Эмпузы, сынок, это бабьи сказки...» Амфитрион очень боялся кровожадной женщины-ослицы. Затем подрос и решил: отец прав. И вот кошмар из детства навис над ним во плоти, держа на руках мирно посапывающую Алкмену. Лунный блик подмигивал, сверкая на меди копыта: дрожишь, герой?

– Тварь! Отдай мою невесту!

Мгновением позже Амфитрион готов был откусить себе язык. Поздно: слово «невеста» сорвалось с губ. Сердце пропустило один удар – и, спохватившись, забилося рыбой в сетях. Во рту пересохло; мочевого пузырь грозил лопнуть. Вот-вот потечет между ногами... «Нельзя! Эмпуза решит, что это со страху. Позор на всю жизнь...» О том, что «всей жизни» у него осталось маловато, Амфитрион не думал. «Меч... нож...» – он лихорадочно огляделся. Увы, поблизости не было даже завалящей палки.

– Это твоя невеста? – зажурчал смех.

Лицо Эмпузы по-прежнему оставалось в тени.

– Я папу позову! Он тебе как даст!

– Папа спит, мой сладкий. Да и скоро ли хромым Алкей доберется сюда?

– Я... я дедушку позову! Он тебе голову отрубит!

– О да, Персей – опасный человек. Но он тоже спит. Когда прихожу я, мужчинам снятся сны, липкие, как паутина. Кого бы нам еще позвать, мой юный, мой нежный герой?

– А ты знаешь, кто мой прадедушка? Зевс-Громовержец! Он тебя – молнией!

Смех превратился в град, уничтожающий посева. В нем хрипело ворчание собаки, скалящей клыки. И мускус благовоний сменился вонью свежего навоза.

– Зевс далеко. Ему нет дела до наших игр. Ты развеселил меня, герой. Тебе не будет больно...

– Оставь моего внука.

Амфитрион чуть не обмочился – не от страха, от радости – прежде чем понял, что это не дедушка. Свет луны мазнул по лицу даймона. Глаза Эмпузы опасно вспыхнули.

– Ищешь смерти, женщина?

– Оставь моего внука, – сказала бабушка Андромеда. – Отдай мою правнучку. И уходи. Я не стану преследовать тебя.

Высокая и прямая, жена Персея была похожа на копье. Весь Тиринф боялся своего бешеного бацилея; все, кроме Андромеды. Она единственная могла остановить Убийцу Горгоны, когда тот уже собирался разить. Спокойный жест, взгляд, и Персей остывал. Чужачка в здешних краях, замкнутая и суровая, Андромеда к собственным детям – и к тем относилась без лишних страстей. Заболели? – пройдет. Плачут? – утешатся. В ее присутствии смолкали разговоры. Персей делал вид, что ничего не замечает; а может, и впрямь не замечал. Пожалуй, он был счастлив в браке – иная супруга давно бы руки на себя наложила, при его-то норове.

– Какое счастье! Она не станет...

– Ты надоела мне, мормоликия ²⁶. Убирайся.

– Я не люблю женщин. Но для тебя, глупая старуха, сделаю исключение.

²⁵ Эмпуза (Ἐμψυσα; Чудовище) – даймон в женском обличье. Похищает младенцев, соблазняет и губит красивых юношей. По разным версиям, обитает в Аиде либо принадлежит к свите богини Гекаты.

²⁶ Мормоликии («ужасные волчицы») – общее название группы даймонов женского пола, лишенных радостей любви. К мормоликиям относятся Эмпуза, Ламия, Горго и т. д.

– Сделай.

Окаменев, мальчик смотрел, как бабушка Андромеда извлекает из складок фароса ²⁷ бронзовый ножик – точь-в-точь серпик месяца, упавший с небес. Лезвие коснулось левого запястья бабушки. На мраморно-белой коже набухла черная, глянцевая капля. Андромеда медленно подняла руку к лицу, словно готовясь лизнуть ранку – или стряхнуть каплю на Эмпузу.

Амфитрион ощутил во рту солоноватый вкус. Пересохшая губа лопнула, вновь начав кровоточить.

– Я не узнала тебя. Ты состарилась и обветшала, – Эмпуза отступила. Было слышно, как ноздри ее часто-часто втягивают воздух. В звуке, подобном шуршанью мышей в кладовке, не угадывалось ничего человеческого. – Ты скоро умрешь. Глупый выбор...

Как замороженная, она глядела на каплю крови Андромеды.

– Это мой выбор. Уйди, пока не поздно.

Эмпуза отступила еще на шаг. Осторожно присев, стараясь не делать резких движений, она положила спящую девочку на плиты двора.

– Ты об этом пожалеешь.

Бабушка молчала.

Когда даймон растворился в тенях и бликах, мальчик не уследил.

– Бабушка!

– Отнеси ребенка к матери, – велела Андромеда. – Я устала. Я иду спать.

Перечить бабушке Амфитрион не посмел. Прижав к груди уютно сопящую Алкмену, он на миг обернулся.

– Бабушка, а эта... Она не вернется?

– Никогда.

Такая уверенность, и такая усталость прозвучала в голосе Андромеды, что мальчик проглотил все остальные вопросы. По коридору, едва освещенному критской лампадой, он быстро добрался до гинекея. Отыскал меж спящими сестру, пристроил рядом мирно посапывающее дитя, двинулся к выходу – и зацепился в темноте за треножник для воскурений.

Разумеется, сестра проснулась. Разумеется, проснулись все. Кого не разбудил грохот упавшего треножника, того силой вырвали из объятий Морфея ²⁸ вопли Анаксо. Что здесь делает ее хитромудрый братец? Глазеет на сиськи и задницы? Паршивец этакий! Алкмена, деточка моя... Ты таскал ее куда-то, гадкий мальчишка?! Она могла простудиться, ты мог уронить наше сокровище...

– Цыть, дура! – срываясь на визг, заорал Амфитрион. – Гусыня сварливая! Вон, ребенка разбудили...

И кинулся прочь, провожаемый хныканьем Алкмены. Пусть никто за ним не ходит! Он будет как дедушка: всегда один. Он их спасает, а его за это бранят. Ну и ладно! Объясняться с глупым бабьем недостойно героя. Оставив гинекей за спиной, Амфитрион со всех ног припустил к отхожему месту – и с облегчением зажурчал.

Все-таки дотерпел!

Он никогда не рассказывал Алкмене, что произошло той ночью. Он вообще никому этого не рассказывал. Ни в юности, ни позже, в зрелые годы.

²⁷ Фарос – тип плаща (покрывала, накидки), который носили знатные женщины.

²⁸ Морфей – бог сновидений, сын Гипноса, бога сна.

9

Утром дедушка Персей покинул Тиринф.

Мальчик спал дольше обычного – и едва успел застать деда во дворе. Облачен в доспех, покрыв шлемом лысую голову, Персей задержался из-за фракийца Спартака. Загородив дорогу, Спартак всем своим видом показывал, что без него Убийца Горгоны никуда не пойдет. На Олимп, в бездны Тартара – никуда. А что рука сломана, так вторая цела. Будет, чем копьё метнуть.

– Имей в виду, – снизошел Персей, – поблажек не дам.

Спартак нагло хмыкнул.

– А эти зачем? – спросил он. – Только обуза...

– Эти? – Персей, обернувшись, глянул на дурачка-Тритона и его отца. Среди спутников басылея, воинов с опытом и выправкой, пираты смотрелись белыми воронами. – Вот и проверим, нужна ли мне такая обуза... За мной! Не отставать!

И побежал к Щитовым воротам.

Пренебрегая окриками матери, Амфитрион понесся следом. Проводив деда за стены крепости, он отстал. Не первый раз дедушка уходил из Тиринфа, взяв с собой лишь горстку избранных, проверенных бойцов – Горгон²⁹, как звал их Персей, когда бывал в духе. Пешими, отказавшись от колесниц, Горгоны во главе с Горгоноубийцей рыскали по горам и лесам Арголиды в поисках тайных мест, где творились оргии в честь Косматого. За каждую вакханалию – «Эван эвоэ, Вакх!» – Персей мстил, не задумываясь, жестоко и беспощадно, как бьет с небес молния Зевса. Не один алтарь был найден и уничтожен. Не одна сотня менад и фиад, сатиров и силенов³⁰ была истреблена под корень. Мудрый стратег, четко отличая возможное от желаемого, Персей не преследовал Косматого в иных областях – Беотии, Аттике или Фессалии. Но Арголида, земля Персеева – тут сын Златого Дождя бил наотмашь.

Война длилась третий год.

Вздыхая, мальчик отправился домой. Раньше он мечтал, что однажды дедушка возьмет его с собой – биться с Косматым. Но сегодня Амфитрион страстно желал, чтобы Персей никого не нашел и вернулся в Тиринф. Если дедушка не успеет быстро-быстро отомстить своему врагу – в Аргосе начнутся ежегодные состязания атлетов, а дедушка все будет воевать.

И тогда...

Ночная встреча с Эмпузой казалась мальчику сном. Реальностью был аргосский стадион – тот самый стадион, где дедушка Персей в седой древности, тридцать лет назад... Поездку в Аргос дед обещал внуку еще зимой. Но карательный поход грозил сорвать все планы.

В Тартар Косматого!

²⁹ Горгоны – Грозные, Ужасные (от греч. Горγός).

³⁰ Менады («безумствующие»), фиады («неистовые») – спутницы и почитательницы Диониса. Сатиры и силены – люди-козлы из свиты Диониса.

СТАСИМ ³¹. ДИСКОБОЛ: БРОСОК ПЕРВЫЙ (тридцать лет тому назад)

Трибуны затаили дыхание.

Дискобол стоял, не двигаясь. Наверное, молился о победе. Бронзовая чечевица диска в его руке казалась очень маленькой. Сейчас она взойдется в небеса и исчезнет, став звездой. Нагой, как при рождении, атлет был прекрасен. Его сложению позавидовали бы боги. Кто-то на трибунах, нарушив тишину, даже шептался с соседом, что зависть богов – не то, о чем ночами мечтает здравомыслящий человек. Впрочем, сыну Зевса Тучегонителя позволено многое. Не нам, горшечникам и колпачникам, судить о ревности Олимпийцев. Но если бы мы взяли судить – о, мы бы нашли, что сказать...

Дискобол пару раз взмахнул рукой, примериваясь.

Солнце остановилось над аргосским стадионом. Сам Гелиос придержал колесницу, желая взглянуть на бросок великого Персея. Стих ветер – южанин-Нот, прилетев из Лаконии, змеей обвил двойную колоннаду, сложил крылья и умолк. Атлет улыбнулся Ноту; не моргая, посмотрел в лицо Гелиосу – и топнул ногой. Каменный, слегка наклонный постамент, на котором стоял Убийца Горгоны, отозвался легким гулом. Всем уже было ясно, что Персей собирается метать диск по-старому, без раскручиваний – так бросают камни воины в строю. Улыбка оставила сына Зевса. Теперь он глядел вдаль сурово, будто прикидывал, как ловчее сразить врага.

Стадион располагался в ложбине меж двух холмов. На склонах вырубili места для зрителей победнее, кому не досталось места в «праще» ³². В дальнем от «пращи» конце, там, где стартовали бегуны, располагался храм Аполлона, покровителя состязаний. У атлета не было шансов добросить диск до храма. Лучшие дискоболы Пелопоннеса с трудом метали диск через реку Алфей, с одного берега на другой. Расстояние от балбиса ³³ до святилища – гораздо больше. Тем не менее, многим показалось, что атлет броском намерен расколоть алтарь. Крамольная мысль не имела разумных оснований – Аполлон, знали аргосцы, благоволил к своему смертному брату.

И все же...

Взмах, второй; дискобол перенес вес на правую ногу. Левая встала на носок. Наклон туловища, свободная ладонь ушла к колену. Скрутив корпус, атлет мельком взглянул на диск. Готовый к полету, тот мерцал крошечной луной. Фигура Персея стала бронзовой. Четко обозначились ребра; грудные мышцы превратились в доспех. Напряжение не исказило лицо героя; черты остались безмятежными. Бросок, и тело взорвалось движением – слитным, отточенным годами упражнений. «Луна» ушла туда, где и положено быть луне – в небеса. Диск вычерчивал сумасшедшую траекторию, стремясь к победному рубежу. Но что-то разладилось в его полете – на пике, в зените, когда луна едва не стала вторым солнцем. Икар без крыльев, диск изменил направление – чуть-чуть, самую малость, забирая правее. Словно из храма донесся вздох бога, приказывающий свернуть, отступить, вместо бессмертного ударить по брэнному.

По западным трибунам.

Персей ринулся туда за миг до вопля – предчувствуя беду. Он бежал так, как еще не бегали на аргосском стадионе. Зрителям даже померещилось, что сын Зевса сумеет опередить убийственный диск, приняв удар на себя. Бронза мертвая столкнется с бронзой живой, тело

³¹ Стасим – песня, исполняемая хором между эпизодами.

³² Праца (сфендон) – полукруг сидений в конце арены, обустройства для судей и знатной публики.

³³ Балбис – постамент (прим. 1x1 м), на котором стоял дискобол во время броска.

героя – с «чечевицей» весом в шесть мин ³⁴, и диск разлетится вдребезги. Зрители надеялись, и надежда умерла вместе с одним из них.

Старик лежал на сиденье, запрокинув голову. Грубый хитон его задрался, обнажив срам. Тазовые кости старика были раздроблены краем диска. Бедренная артерия лопнула, и кровь хлестала из раны. Соседи прянули в стороны от несчастного – впору поверить, что старик умирал в воронке, образовавшейся от удара Зевсова перуна, и никто не хотел оказаться рядом со святотатцем. Двое крепких мужчин, чьи лица, вне сомнений, были лицами охранников, сделали шаг вперед – и остались на месте, когда Персей с разбегу упал на колени перед стариком.

Тот смотрел на Убийцу Горгоны, будто увидел смерть во плоти. Рядом набухала кровью шерстяная хлена – старик еще минуту назад кутался в плащ с головой, несмотря на жару.

– Ты!.. ты...

– Акрисий! – ахнул кто-то сообразительный, взглядевшись в старика. – О боги!

И трибуны подхватили единой глоткой:

– Акрисия убили!

– Аргосский ванакт погиб!

– Пророчество! Сбылось!

– Боги, смилуйтесь...

Если это и был аргосский ванакт ³⁵ Акрисий, дед Персея – герой не мог узнать его. Персей никогда в жизни не видел деда. Пророчество обещало ванакту смерть от руки внука, и Акрисий из кожи вон лез, желая избежать злой судьбы. Заточение дочери в подземелье, страх при известии о беременности юной Данаи; сундук, в чьих недрах дочь с младенцем отправились в ужасное плаванье – наконец, бегство Акрисия из Аргоса накануне визита в город возмужавшего Персея... Сейчас аргосцы ясно видели, что бегство, о котором ванакт, прежде чем исчезнуть, заявлял во всеуслышанье – ложь, очередная попытка обмануть Ананке Неизбежную.

Что ж, судьба смеется последней. Когда внук убивает деда, или сын – отца, она смеется с особым наслаждением.

³⁴ Мина – 600 г. Позже, в классический период – 436,6 г.

³⁵ Ванакт (досл. господин, владыка) – царь. В Аргосе правили цари, более высокие по титулу и общественному положению, чем басилеи.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

*Безбожие – не более, чем заблуждение.
Зато суеверие – порожденная заблуждением болезнь.
Плутарх Херонейский, «О суеверии»*

1

– Не заваливайся! Назад не вались, тупица! Колени согни!

Последний поворот Ликий прошел достойно. Завершив финальный круг, он остановил колесницу. Лошади с готовностью повиновались: тощие клячи, насчет остановиться они всегда были не против.

– Амфитрион, твоя очередь.

Спрыгнув с колесницы, Ликий прошел мимо. Дуется. Воротит морду. Из-за чего, спрашивается? Ответ Амфитрион знал: из-за дедушки. Вечно им дедушка Персей виноват! И Амфитрион за компанию. Дедушка их мамку пожалел, а они...

Дураки неблагодарные!

Жена Спартака пришла в себя тем же днем, к вечеру. Она ничего не помнила. Вышла во двор, в нос шибануло винным духом... Очнулась на лежанке. Спартак строго-настрого запретил рассказывать жене правду. Обошел соседей: «Проболтайтесь – язык вырву!» Никто не усомнился: вырвет. Даже с одной рукой. Даже вовсе без рук.

«Тебе солнце голову напекло, Киниска...»

«А вино? Дух такой – в глазах помутилось...»

«Пифосы³⁶ из Навплии везли, один у ворот разбили...»

«А что с тобой, Спартак? Рука, лицо...»

«В харчевне подрался. Пустяки, заживет!»

«А где же наш младшенький, кровиночка?»

«Горе у нас, Киниска. Бродячая собака взбесилась, кинулась на Полифемку... Ты поплачь, легче станет. А я пойду. Дела у меня...»

«Что за дела, Спартак, когда горе дома?»

«Такие дела, что надо идти...»

Скоро уж неделя, как Спартак в походе. В палестре его заменил Деметрий – старый, старше дедушки. От шеи до лодыжек Деметрий зарос курчавой, угольно-серебристой порослью. Сплетничали, что мамаша родила его от сатира. Еще лет пять назад он учил юнцов оружейному бою, но потом ушел на заслуженный отдых. В колесничном деле Деметрий разбирался слабо, что не мешало ему корчить из себя знатока.

– Спину держи! Кувыркнешься через бортик...

«Сам знаю!» – Амфитрион хлестнул лошадей вожжами. Клячи тронулись с места – сперва с неохотой, а там, почуяв злость возницы, прибавили ходу. Дощатый пол затрясся под босыми ногами. Одна доска держалась на честном слове. Перила кузова, по бедро взрослому мужчине, мальчику были до пояса. «Насчет кувыркнуться – это старик приврал. Впрочем, однажды я вырасту...»

– Плечи не напрягай!

Неслась навстречу дорожка малого ипподрома. Ветер хлестал по щекам. Слезились глаза, хрустела на зубах пыль из-под копыт. Деметрий что-то кричал вслед, но мальчик оглох для

³⁶ Пифос – большой широкогорлый кувшин для хранения продуктов.

наставлений. Целиком отдавшись скачке, он уже ощущал тяжесть шлема и боевого доспеха. Ряды врагов все ближе, солнце сверкает на жалах копий. Враги прячутся за щиты, им страшно! На них мчится гордость Тиринфа, герой Амфитрион Счастливый. Рядом с героем на колеснице – дедушка Персей! Сейчас дедушка станет без промаха разить врагов, а внук будет прикрывать ему спину...

На повороте колесницу занесло, и она встала на одно колесо. Амфитрион всем телом качнулся вбок, восстанавливая равновесие. Проклятье! Опрокинуться – то-то позору было бы! Миг, и до мальчика дошло: он впервые «сделал» поворот на одном колесе!

– Ух ты! – оценил чей-то восторженный бас.

– Болван! – согласился старый Деметрий.

Позади старика стоял Тритон. Грязный, осунувшийся, дурачок с восхищением разглядывал мальчика, подъехавшего к ним. Сходя на землю, Амфитрион даже застеснялся. Вот если бы на него так посмотрел учитель Деметрий, а лучше – учитель Спартак...

– Болван, – повторил Деметрий, и у Амфитриона Счастливого отлегло от сердца. Значит, бить не станет. – Сопли подбери. Ишь, лыбится! Расшибешься, мне твой дед все кости переломает...

И махнул рукой:

– На сегодня все. Распрягайте лошадей.

Обычно никто не хотел возиться с клячами. Но не в этот раз. Близнецы-Спартакиды бегом кинулись к колеснице. Похоже, они готовы были хоть конюшню чистить, лишь бы подальше от Амфитриона. И пусть, подумал мальчик. Пусть этим дуракам будет хуже! Еще увидим, кто из нас проклятый...

– Вернулись?

– Ага, – кивнул Тритон.

– Наши все живы?

– Наши? – Тритон наморщил лоб, загнул один-два корявых пальца. – Все, да.

– А это что у тебя?

– Тирс³⁷. Трофей!

В руках Тритон держал грубо оструганную палку. На конец палки была насажена сосновая шишка. Ниже прилипли обрывки засохшего плюща.

– Рассказывай!

– Ну, мы их искали. И это... нашли, значит...

³⁷ Тирс – жезл, увитый плющом и виноградными листьями, увенчан шишкой пинии. Атрибут Диониса и его свиты.

ПАРАБАСА. ВАКХАНКИ ПАУТИННОЙ ГОРЫ

...дубины было жаль.

Тритона душила вакханка. В спину впивались мелкие камешки, воздух отмерялся скудными порциями, а он все жалел о главном – об утраченной дубине. Ее Тритону дал великий Персей. Вначале Тритон хотел копье. Оно было красивое, с древком из ясеня, с наконечником, похожим на девичью ладонь. Но великий Персей сказал, что Тритону копье ни к чему. И вырезал ему дубину – сучковатую, тяжелую. Тритон взмахнул дубиной и понял, что да, это оно.

Дубину он в щепки расколотил об скалу, промахнувшись по верткому сатиру. Рядом уже валялись два сатира, по которым Тритон не промахнулся. Гаденыш заплясал, заухал филином и поймал в бок копье, брошенное Спартаком. Фракиец не соврал – ему вполне хватало одной здоровой руки. Со злости, желая отомстить за дубину, Тритон врезал раненому кулаком между рожек. Шея сатира хрустнула, и он умер. Тритон плюнул на человека-козла, обернулся к своим – попросить Персея, чтоб вырезал ему новую дубину – и охнул, согнувшись в три погибели.

Копыто размером с добрую миску угодило парню в живот.

Вакханок они нашли на пятый день. Великий Персей вконец загонял тирренцев, привыкших к палубе. Ночами Тритон плакал – так болели ноги. Папаша молчал и скалился – жутко, по-волчьи. Отряд Горгон рыскал по каменистым дорогам Арголиды, забирался в ущелья, похожие на пчелиные соты – так они были изрыты пещерами; неся вдоль русла Инаха, пересохшего летом, едва не сгинул в болотах Лерны... Когда они добрались до Лессы, поселка на границе с Эпидавром, Персей больше часа провел в храме Афины – нищем, украшенном лишь деревянной статуей богини. Он молился один, запретив спутникам не только переступать порог святилища, но и приближаться к нему. Наверное, подумал Тритон, сын Зевса спрашивает у божественной сестры, куда нам идти дальше. И впрямь – оставив Лессу за спиной, Персей без колебаний повел отряд на Паутинную гору. Там и нашлись вакханки. Две дюжины женщин, нагих или в рванье из лисьих шкур, дюжина гогочущих, в стельку пьяных сатиров...

А еще, чтоб они сдохли, трое кентавров.

Один из этих гигантов, матерый гнедой жеребец, только что лягнул беднягу-Тритона. Брюхо прилипло к хребту, парень упал на колени, и на него с разбегу кинулась вакханка. К счастью, кентавр не пришел ей на подмогу – Тритон уж не знал, почему. Он без усилий разгибал бронзовый крюк для вертелов, но не мог оторвать от себя пальцы безумицы. Чувствуя, что слабеет, Тритон из последних сил ударил вакханку ладонями по ушам. С детства он дрался в портовых харчевнях; наградил глухотой немало взрослых морячков... Вакханка, язви ее в печень, даже не заметила удара. С шеи женщины, намотанная в два витка, свисала дохлая гадюка. Башка змеи едва не угодила Тритону в рот. Он завопил от отвращения – откуда и воздух взялся! – и понял, что дышит.

Вакханка обмякла, валясь на камни. «Вставай! – рявкнул Персей, выдергивая из спины убитой меч, кривой и узкий. – Вставай, дурак! Живо!» Тритон привык слушаться. Он встал, подобрав камень из тех, что побольше. Но в нем больше не нуждались. Бой закончился. Кентавров завалил сын Зевса, вспоров им глотки, а с остальными справились Горгоны. Папаша тоже был цел, только ухо оборвали. Тритон не знал, что Персей велел присматривать за новичками, и порадовался за героического папашу.

Позже, когда отряд встал стоянкой у подножия горы, Тритон сбежал. Нет, не из страха. Он хотел подобрать остатки дубины, показать их великому Персею и попросить, чтобы вырезал точно такую же. Дубину он нашел и порадовался, а еще нашел кентаврика – живого, молоденького, вряд ли старше самого Тритона – и не знал, радоваться или бить.

– Ты чего? – на всякий случай спросил парень.

– Ничего, – кентаврик попятился.

В руках он, бледный как смерть, держал увесистый мех. В недрах меха что-то бултыхалось – должно быть, вино. Ничего себе вино, подумал Тритон. Если кентаврик, спрятавшийся от Горгон, рискнул вернуться...

– Тебя как звать?

– Фол.

– А меня – Тритон.

– Ага. Я пойду, да?

Тритон вздохнул, глядя на обломки дубины, и разрешил:

– Иди. Ты это... Ты зачем вернулся?

– За вином, – сказал честный Фол. – Хорошее вино ³⁸. Жалко.

– Ты, значит, за вином. А я за дубиной.

– Я пойду? – напомнил Фол.

– Ты лучше скачи. Подальше, чтоб не нашли.

Кентаврик кивнул и ускакал.

* * *

– Зря, да?

– Что – зря?

– Надо было его прибить?

Тритон, не моргая, смотрел на мальчика. Низкий лоб дурачка собрался морщинами – мертвая зыбь качала одинокую ладью-мысль. Чувствовалось, что мнение Амфитриона для него очень важно. Какие волны ходили в сознании тирренца – загадка, но Амфитриона он возносил на высоту, плохо объяснимую даже для Дельфийского оракула.

– А он был в зените вакханалии? – спросил мальчик.

– Кто?

– Ну, кентавр! В зените? Или на излете?

Вот тут Тритон заморгал, словно заново научился этому делу:

– Н-не знаю...

– Он безумствовал?

– Н-нет...

– Если бы ты причинил ему боль, он бы излечился?

– Надо было, – просиял тирренец, – дать ему по шее?

Амфитрион насупился. Рецепт дедушки Персея не срабатывал. Ну, вакханки-то явно находились в зените, иначе дедушка не кинулся бы их убивать. А глупый кентаврик – он и вовсе обычный, если верить Тритону. За вином вернулся, не побоялся...

– Ты правильно поступил, – кивнул мальчик. – Ты молодец.

И, глядя на Тритона, переполненного благодарностью, испытал стыд. Сам Амфитрион был не уверен, что тирренец поступил правильно. Представив себя на месте Тритона, внук Персея аж зажмурился от неопределенности.

³⁸ Фол – сын Силена, наставника Диониса, и нимфы Мелии. В юности – спутник Диониса. Через много лет Фол, живущий отшельником в горной пещере, угостит Геракла вином от первых дионисовых лоз. Пьяный Геракл перебьет всех местных кентавров, явившихся на запах вина, а сам Фол будет смертельно ранен ядовитой стрелой героя.

2

Город затих, как дол перед грозой.

Банщик, выдавая посетителю скребницу и мыльную пасту, вдруг останавливался, кусая губы. Ждал и посетитель, не сетуя на пустую трату времени. Торговец в лавке, расхваливая войлочный колпак, умолкал на полуслове. Гончар, пришедший за колпаком, кивал невпопад. Садовник, онемев, стоял над лилиями и гиацинтами; мебельщик – над ларем для хранения платья; пряжа дрожала над растрепанной куделью; дочь пряжи, кормя ребенка грудью, тихо плакала. Сапожник забывал тачать башмаки и крепиды ³⁹, ювелир ронял нити жемчуга, резчик – шпильки из слоновой кости.

«Басилей вернулся из карательного похода, – читалось на лицах. – Что теперь будет?»

Персей не в первый раз, как говорили в Тиринфе, «ходил на вакханок». Но раньше тиринфяне не сталкивались с вакханалией в родных стенах. Безумие жены Спартака нарушило шаткое равновесие. Фракия, знали все – это да. Но Фракия далеко. Фокида и Беотия – да. Но и северные области – не близко. Наксос, Скирос, Хиос – острова пусть сами разбираются. А у нас есть Убийца Горгоны, рыщущий по родной Арголиде, как волк. Мы боимся его пуще гнева богов, но и боги с их гневом не спешат заглянуть в Тиринф. До сих пор Косматый обходил нас десятой дорогой, хвала Персею...

Или не хвала?

Ведь Косматый нас не обошел!

Мужья и жены, сыновья и матери, братья и сестры тряслись, недоумевая. «Мы-то думали, что война идет на чужой территории! Что жестокость басилея – залог нашей безопасности! И вот отрезвление – сын Зевса продолжает войну, но война пришла к нам... Чего ждать завтра? Басилей, конечно, отомстит. Но как же не хочется, чтобы он мстил за меня! Сколько дней продлится этот ужас? Сколько лет?!»

Чужая война из предмета гордости превратилась в копье, занесенное для удара. Чужое копье, чужой удар; моя грудь и наша беда. Еще недавно тиринфяне хвалились неприкосновенностью перед фиванцами и трахинянами. Пыжились, намекали на избранность. Теперь же, представляя злорадство вчерашних завистников, Тиринф признавал всю низость своего падения.

Если Персей нас защищал – почему не защитил?

Если не защитил – почему не сдается?!

Тиринф кланялся Персею. Тиринф боялся Персея. Но Тиринф вздохнул бы с облегчением, умри Персей – от гнева бога, от старости, от случайной болезни.

Возвращаясь из палестры, мальчик шел через онемевший, испуганный город. Кто знал Амфитриона в лицо – спешил отвернуться. Тень деда лежала на внуке. Однажды Амфитрион спросил деда, правда ли, что тот превратил в камень чудовище, желавшее сожрать бабушку Андромеду. Аэды пели, что Персей воспользовался головой убитой Медузы. Мальчик страстно хотел услышать это из первых уст – ему казалось, так он сам прикоснется к подвигу.

И он слышал.

– Ерунда, – мрачно сказал дедушка. – Бабы сплетни. Какая голова? Я зарезал его, как мясник режет свинью. Взлетел повыше, дождался, пока глупое животное заинтересуется моей тенью на волнах, свалился ему на загривок... Дальше все было просто. Много крови, и конец. Придумают тоже: Медуза, голова! Наверное, от всей моей жизни со временем больше ничего не останется. Медуза, куча камней, и никакого Персея...

³⁹ Крепиды – тип сандалий, имевших особую плетеную оторочку.

Тень, думал Амфитрион, бредя улочками Тиринфа. Тень дедушки. Она чернеет на мне, как на воде, и чудовище уже заинтересовалось.

3

– ...из Афин. Гостеприимство приятно Зевсу, он вознаградит тебя.

«Врет! – Амфитриона обдало жаром. – Рабыня сказала, он из Фокиды. Хотя... Может, рабыня недослышала?»

Мальчик выглянул из-за колонны. В мегарон он пробрался ползком, как настоящий лазутчик. И место для засады выбрал – лучше не придумаешь. Четверка колонн, поддерживающих кровлю, окружала едва теплящийся очаг в центре зала, как бойцы – раненого вождя. Дым змейкой уползал в потолочное отверстие. Никто сюда не подойдет, не прогонит. Риск? – да, но очень уж хотелось знать: что за гость явился во дворец? Довольствоваться сплетнями дворни Амфитрион считал для себя зазорным. Собрание началось, он застал финал речи гостя. Дедушка Персей слушал пришельца, сидя на троне⁴⁰. Вопреки обыкновению, базилей сегодня облачился в царские одежды. Длинный, ниже колен, хитон из млечно-белого льна; на бритой, блестящей от пота голове – золотой обруч. Рядом сидела бабушка Андромеда. Это она заставила мужа переодеться, чего не удалось бы, пожалуй, и Арею Гневному, богу войны. Чужаки недоумевали: женщина садится первой, не дождавшись мужа? И трон у нее не ниже, чем у супруга... Подобные разговоры велись шепотом, быстро сходя на нет. Амфитрион вообще не понимал, чему люди удивляются. Достаточно разок увидеть бабушку Андромеду в ее любимом пеплосе, расшитом цветами; да хоть в рубище! – достаточно взглянуть ей в глаза...

– Спокойна ли дорога из Афин в Тиринф?

– Благодарю, – гость поправил хламиду цвета морской волны. По краю плаща бежал пурпурный орнамент, словно вода окрасилась кровью. – Мой путь был благополучен. Меня пугали разбойниками и дикими менадами...

Улыбка тронула его губы.

– ...но, хвала Аполлону, покровителю путников, мне встретились лишь добрые люди. Беда не ждала меня в дороге. Беду я оставил за спиной...

– В Афинах?

– Нет, в Орхомене...

Амфитрион вздрогнул. Воображение мигом сплело единую цепь: разбойники на дороге – пираты на море – юнец, захваченный папашей Тритона – юноша, стоящий перед дедушкой... Обмирая от дурного предчувствия, мальчик всмотрелся в гостя. На вид – лет пятнадцати; черты лица тонкие, изящные. Вьются кудри, схваченные на лбу ремешком. Красавчик! Тритон говорил насчет «жирного»... Нет, это он про дитя с рожками. Амфитрион вглядывался и так, и эдак. Забыв об осторожности, он высунулся из-за колонны больше, чем следовало. Свет факела упал на него – и терет Филандр, отец Гия, шутливо погрозил «лазутчику» пальцем. Мальчик быстро подался назад, в спасительную тень. Дядя Филандр его не выдал. Но что, если гость и есть Косматый? Никто не знает, а он уже здесь!

Явился мстить за своих менад...

На расписном фризе, украшавшем стену за гостем, явился могучий бык. Голубой фон напоминал о море, где так легко утонуть. Бык пучил глаза, вытягивал хвост струной; над быком, держась за кривой рог, летел человек – бычий плясун с Крита. Ликовал он, чуя удачный прыжок, или готовился к смерти – запечатленный миг спрашивал зрителя, но ответа не давал. «Я сейчас тоже, – думал мальчик, – в полете над рогами. И дедушка. И все в мегароне. Если, конечно, юноша – Косматый...»

– Я хочу знать про беду в Орхомене, – сказал Персей. – Но сперва промочи горло. Беда обождет.

⁴⁰ Трон – кресло хозяина дома с высокой спинкой и подлокотниками.

Гостю поднесли вина. Он плеснул в сторону очага – Зевсу-Гостеприимцу – отпил глоток-другой. Амфитрион, дрожа, следил за юношей. Зачем ему дали вина? Не понимают, как это опасно?! Тритон говорил, у того, на ладье, губы были пухлые. А у этого? Косматый – известный хитрец. Вот сейчас дворец как зарастет плющом и виноградом! Львы с пантерами как выскочат... За борт, конечно, никто не бросится – море на фризе, и только. Кинутся прочь из мегарона? Амфитрион попытался представить дедушку Персея с бабушкой Андромедой, бегущих в панике; хромого отца...

Нет, не смог.

По знаку Персея раб принес стул, и еще подушек – для удобства. Гость сел, сцепил пальцы на колене. Его никто не торопил: все ждали.

– В Орхомене я застал траур, – откашлявшись, юноша продолжил: – Траур по моим двоюродным сестрам, дочерям бацилея Миния. Траур по внуку бацилея, сыну Левкиппы, младшей из сестер.

– Болезнь? Мор?

– У этого мора есть имя. Дочери Миния отказались добровольно славить...

– Здесь мы зовем его Косматым, – перебил Персей.

– Славить Косматого. И он отомстил.

– Как это случилось?

– Орхомен принял Косматого. Устроили шествие в честь нового бога. Думали умиловить... Косматый потребовал, чтобы шествие возглавили дочери моего дяди Миния. Они отказались. Не захотели срамиться перед орхоменцами. Ну, он и...

– Что – он?!

Пламя факелов вздрогнуло, по стенам метнулись тени. Закопченная кровля словно просела, нависла над головами. В воздухе поплыл кислый запах меди – дух крови и оружия.

– Косматый свел их с ума. Левкиппа сына на части разорвала. Они ели мясо ребенка! А потом убежали в лес...

– Женщин нашли?

– Нет. Одни говорят, их Гермий превратил в птиц. Другие – что не Гермий, а сам Косматый. И не в птиц, а в летучих мышей. Многие верят.

– Многие, но не ты?

– Я не верю.

– Ты прав. Косматый не в силах никого превратить.

Гость вскинул голову:

– Охотник в Орхомене тоже так сказал. Он видел дочерей бацилея. По его словам, нагие женщины висели на дереве вниз головами. Были уверены, что они – летучие мыши. Охотник отвел меня в то место, где они попытались взлететь. Там обрыв, очень высоко. Внизу... Не знаю, они или нет. Звери успели обглодать тела. Уже не разберешь...

– Печальная история, – Персей поднялся с трона. – Мы вместе с тобой скорбим о дочерях благородного Миния. В жертву их теням я принесу быка. Ты же поделишься с нами трапезу. Но сперва...

Миг, когда дедушка оказался рядом, Амфитрион проморгал. За все время разговора Персей ни разу не посмотрел туда, где прятался его внук. Он и сейчас не смотрел на мальчика. Но можно было не сомневаться, кому предназначались слова тиринфского бацилея:

– ...сперва я выставлю отсюда одного малолетнего мерзавца. У кого-то слишком длинные уши, как у осла. И кто-то не поедет ни в какой Аргос, оставшись дома.

Я спасен, понял Амфитрион. Сейчас дедушка выгонит меня прочь. Косматый наполнит мегарон безумием, а я, Амфитрион Счастливым, уцелею, потому что буду снаружи. Отчаянно

свело живот. Так бывало перед прыжком в море с высокой скалы. Нет, мы не побежим. Мы будем драться вместе с дедушкой. Плечом к плечу...

– Это он! – завопил мальчик, выскакивая из-за колонны. – Косматый!

Собравшиеся начали озираться в смятении.

– Дедушка, убей его! Скорее!

Люди замерли статуями. Мигнули факелы. На Амфитриона обрушился хохот. Смеялись все. Даже у бабушки Андромеды дрогнули углы рта. Не смеялись двое: Персей – и юноша в хламиде цвета морской волны.

– Радуйся, Амфитрион. Перед тобой, – дедушка указал на гостя, – Кефал, сын Деионея, басылея Фокиды. Он прибыл к нам из Афин. Там произошел свадебный стовор между ним и дочерью афинского правителя. Я обещал проводить Кефала в Аргос.

– Радуйся, Кефал, – выдавил мальчик, пунцовый от стыда. – Прости меня...

Кефал шагнул навстречу:

– Ты... ты видел Косматого?! Я что, действительно похож?

– Не видел, – признался честный Амфитрион. – Мне рассказывали...

И, ни на кого не глядя, поплелся к выходу из мегарона. На плечо, останавливая, легла жесткая ладонь деда. Против ожидания, Персей не стал сжимать бронзовые пальцы – всего лишь развернул внука лицом к себе.

– Ты поступил верно, – кивнул басылей. – Когда спасаешь кого-то – спасай. И не думай, как при этом выглядишь. Все, иди.

– А Аргос? Ты возьмешь меня в Аргос?!

– Я подумаю.

Амфитрион не знал, что сегодня впервые увидел человека, чья жизнь прощует его собственную, как игла с ниткой прошивает ткань. Человека, которому он однажды подарит остров. Будущее скрыто от смертных. И хорошо, что скрыто – явленное, будущее сводит с ума вернее целой армии Косматых. Завтрашний день – не разменная медяшка в игре.

Навстречу мальчику, покидающему зал, рабы несли трапезные ложа.

4

Бац!

Злобный Тифон разлетелся в куски. На его место уже спешил циклоп, растопырив толстые ручищи. Бац! – циклопа постигла та же скорбная участь. Голова бедняги улетела к портику. Павшего сменил гривастый лев, и погиб смертью храбрых. Троица черных гигантов, Бриарей Крушитель – все они без колебаний выходили на поле брани, и гибли под разящими перунами.

Мальчишки визжали от восторга. Настал день ликования – юные герои легко, ни капельки не жалея, расставались с глиняными свистульками. Одна, две, пять – кто сколько имел. Свистульки выстраивались на колоде для рубки мяса, чтобы превратиться в крошево. Стражники дергали себя за бороды. Рабы, вынося из мегарона грязную посуду, спотыкались на ровном месте. Единого взгляда на великую битву хватало, чтобы ноги заплелись. А красавец Кефал, знатный гость, убийца чудовищ и разоритель детворы...

Кефал лишь улыбался да покручивал пращой.

Он бил с пятидесяти шагов. Не возникало сомнений, что при желании Кефал шутя увеличит это расстояние вдвое. У ног гостя стояла опустевшая на треть сумка с ядрами. Кто-то из стражников сбегал в кладовую и принес еще одну сумку. Все хотели, чтобы праздник длился вечно. Прекрасный, как бог, Кефал приковывал взоры. Его меткость казалась сверхъестественной. Выпусти на него великана в доспехе, вооруженного двойной критской секирой – Кефал прищурится, взмахнет пращой, и лоб великана треснет.

Болтали, что родосцы, лучшие пращники Ойкумены, заприметив стаю уток, договаривались – кто какую бьет. Кефал не оставил бы родосцам и шанса. Ему было все равно, что метать – ядра из обожженной глины, «желуди» из свинца, камни-гладыши... К зрителям присоединились Тритон с папашей. Рядом с кормчим стоял Сфенел Персеид, младший дядя Амфитриона. Он был на пару лет моложе Кефала, и зависть, коверкавшая черты Сфенела, подогрела азарт гостя. Из гинекея вышли женщины – Лисидика, Анаксо с дочерью на руках. От огня женских глаз кровь в жилах Кефала и вовсе вскипела. Юноша бил, не глядя, жмурясь, как сытая пантера. Еще недавно Амфитрион готов был счесть его Косматым, коварно втершимся в доверие. Сейчас мальчик видел в госте Аполлона Стреловержца, ради шутки сменившего лук на пращу.

Все знали, что Кефал едет в Аргос, намереваясь принять участие в состязаниях пращников. И не сомневались в его победе.

Бац! – ну какие тут сомнения?!

Праздник отравлял только один человек – дедушка Персей. Мрачней тучи, он стоял подле женщин и чистил ногти узким ножичком. На лице бацилея читалось, что он давно прекратил бы все это безобразие, да не хочет огорчать гостя.

– Праща для слабаков! – сказал Сфенел. – Вот копье – это да!

Будь его слова копьем – они пролетели бы мимо цели.

– Копье, меч, – Сфенел возвысил голос. – Это оружие героя!

И покосился на отца: одобряет ли? Судя по бацилею, тот не одобрял ничего, включая смену времен года. Сфенела это не остановило. Поздний ребенок, избалованный опекой, дядя Амфитриона полагал, что все вокруг норовят отобрать у него кусочек будущей славы. Славы, как известно, на всех не хватит. Если судьба ее так бездарно разбазаривает, оставляя достойным жалкие крохи... Даже сила, скрытая в имени – и та Сфенелу досталась ущербной, с плеча старшего брата, жалкого калеки ⁴¹.

– Нет, я понимаю...

⁴¹ Сфенел – Сильный (от «сфенос»: сила). Алкей – Могучий (от «алкаиос»: мощь).

Что понимал Сфенел, осталось невыясненным. Камень, пущенный Кефалом, отбил у глиняного Цербера все три башки, и, пролетев дальше обычного, срикошетил от стены. Никто еще не понял, что произошло, а Персей уже взмахнул рукой перед спящей внучкой. Раздался стук, словно от трещотки. Злополучный камень врезался в крышу портика и, упав вниз, лягушкой проскакал к ногам Амфитриона.

– Старею, – бросил Персей в мертвой тишине. – Жаль.

Он лизнул ссадину на тыльной стороне ладони, повернулся и ушел в мегарон.

– Боги...

Представив, что могло бы сейчас случиться, Кефал побелел. Руки юноши упали, свободный конец пращи волочился по земле. Праздник кончился. Зрители торопились разойтись, как если бы стали свидетелями преступления. Женщины бегом вернулись в гинекей. Лисидика на ходу что-то объясняла дочери. Прах, оставшийся от разбитых свистулек, наполнил скорбью мальчишечьи сердца. Никто и не помнил, с какой радостью подставлял сокровища под «желуди» прашника. Восторг сменился чувством потери, прогнавшим детвору прочь. Амфитрион и не заметил, как остался один подле испуганного Кефала. Вряд ли мальчик осознавал, что гость нуждается в поддержке. Но бросить низверженного кумира он не мог.

– Что он имел в виду? – спросил Кефал.

– Кто?

– Твой дед. Он сказал: «Старею». Если так стареют...

– Он говорил не про твой камень. И не про свою ссадину.

Мальчик обернулся и увидел отца. Хромой Алкей сидел на своем вечном табурете, приветливо улыбаясь. В пальцах старший сын Персея вертел... О да, глаза не подвели Амфитриона. Отец держал свистульку – циклопа, такого же, какой погиб от пращи Кефала.

– Раньше гостеприимство не остановило бы Убийцу Горгоны, – Алкей щелкнул циклопа по лбу. – Раньше он взял бы смазливового хвастуна, превратившего двор в стрельбище, за шкурку и избил бы до полусмерти. Уверен, что отец поступил бы так. А теперь... Сами видите. Стареет, кто б сомневался...

5

– Где все?

Солнце, сверкая над стеной, резало глаза лучами-лезвиями. Шагнув во двор, залитый светом, Амфитрион отчаянно заморгал. Когда зрение вернулось, он отметил, что во дворе непривычно пусто. Лишь дурачок-Тритон сидел на колоде для рубки мяса – словно ждал Кефала с его пращой. В ручище Тритон держал баранью ногу, обглоданную на треть.

– Где все, спрашиваю?

– Увы-ва-вы...

– Чего?!

Тритон глотнул, дернув кадыком.

– Убежали.

С минуту Амфитрион переваривал новость. Тритон же, ухмыляясь, переваривал баранину. Наконец мальчик вспомнил: сегодня день Крона!⁴² В палестру идти не надо. То-то он заспался... А приятели, небось, подорвались с зарей – и на море.

– Тритон, айда купаться!

– Айда, – согласился Тритон.

– И я с вами, – у колоды объявился зевающий Кефал. – Далеко идти?

Вид у юноши был утомленный. В кудрях застряли сухие соломинки. Свадебный сговор в Афинах не помешал Кефалу провести бурную ночь в Тиринфе – вчера многие девицы ласкали гостя красноречивыми взглядами.

«Такова, – отметил Амфитрион, – суровая доля красавчиков.»

– Близко! – заверил он. – Десять стадий⁴³, не больше.

– Хорошее дело, – Кефал с ленцой потянулся. – Так чего мы ждем?

– За мной!

Амфитрион припустил к воротам. Кефал мигом догнал его, но вперед вырываться не стал – хотя, пожалуй, мог бы. Позади топал и пыхтел Тритон. Выбравшись из крепости, они остановились, поджидая тирренца.

– Вон тропа, – указал мальчик Тритону. – Не потеряйся...

И рванул вперед, сопровождаемый легконогим Кефалом. Замелькали склоны холмов, поросшие миртом и вереском. Золотые стрелы Гелиоса пронзали сплетения ветвей, превращая дорогу в пятнистую шкуру леопарда. Пыль из-под босых пяток, пыль из-под крепид Кефала. Воздух напоен запахами смолы и трав, бьет в голову сильнее неразбавленного вина. Быстрее! Еще быстрее! На развилке Кефал остановился, поджидая спутника.

– Ты!.. ну ты... даешь!.. – в три приема выдохнул Амфитрион.

– Я в лесу оленя догоняю. На охоте – с семи лет.

– Везет... А Тритон – он с семи лет в море.

«Дедушка Персей, – украдкой вздохнул мальчик, – если и охотится, так на вакханок с сатирами. И меня не берет. Про папу Алкея и разговора нет. Куда ему, с его ногой – на охоту?»

– Бежим?

– Ага!

Море распахнулось перед ними во всю ширь, до горизонта, где водная синь растворялась в бирюзе небес. Плеск, крики, хохот – на берегу веселились два десятка мальчишек из Тиринфа и Навплии. На ходу срывая хитон через голову, Амфитрион с разбегу бухнулся в воду, подняв целую тучу брызг. Над головой вспыхнула сияющая радуга. Он вынырнул, отфыркиваясь,

⁴² День Крона – день недели, предназначенный для отдыха. Считалось, что при правлении Крона на земле был Золотой век.

⁴³ Стадия – мера длины. Общего стандарта не было, чаще всего равнялась 177,6 м.

и поплыл, старательно загребая руками. Неподалеку в воду без всплеска скользнула могучая туша – и пошла, пошла, стремглав помчалась на глубину, оставляя за собой пенный след.

– Ух ты!

– Ничего себе...

– Тритон! Это Тритон!

– У него ж мамка – nereida. Будь у меня такая мамка...

– А ты говорил – врет! А он не врет!

– Правильно он тебе в ухо дал...

– Трито-о-он! Верни-и-ись!

– Ну ты дельфин!

– Это брательник мой, Палемон – дельфин. Пасет их, клювастых...

Тритон был смущен. Он не привык к восторгам окружающих.

– Научишь?

– Ну, я это...

«Не научит, – вздохнул Амфитрион. – Таким родиться надо...»

Вдвоем с Кефалом они уселись на берегу, в сторонке. Пускали по воде плоскую гальку – «жабка, жабка, поскачи!» – и наблюдали за Тритоновыми ученичками. Те старались изо всех сил, и зря. Тритон брызгал слюной, орал, как резаный, но куда там... В конце концов тирренцу надоело учить. Он нырнул и уселся на дно, вцепившись в скользкий валун. Сквозь прозрачную толщу воды Тритон был точь-в-точь свой божественный тезка – только без хвоста. Сидел враскоряку, пучил глаза; иногда пускал пузыри. Блики солнца играли на коже Тритона, превращая ее в радужную чешую.

– Он же утонет! – заволновался Гий.

– Скорей рыбы перетонут!

– Не, ну правда? Может, вытащить?

– Сам вытаскивай...

Нырять за тирренцем Гий не решился. И правильно сделал: Тритон вынырнул без чужой помощи. К тому времени всем уже обрыдло гадать, когда он всплывет. «Левкофея, – вспомнил Амфитрион имя Тритоновой матери. – Не знаю такой богини. Амфитрита, жена Посейдона, Эйдотея-оборотень, Фетида Пеннобедрая; Кето-Пучина, хозяйка чудовищ... Новенькая? Или врет, что богиня? Просто морская нимфа...»

Вдоволь наплескавшись, мальчишки принялись строить крепость из песка. Кефал заскучал: не играть же с детворой? Но пригляделся...

– Эй, тут башня нужна!

– Зачем?

– По врагам стрелять, когда ворота начнут ломать!

– Точно!

– Давай башню!

Облицованная снаружи мокрой галькой, башня вышла на славу.

– За воротами лабиринт сделаем...

– А ров кто копать будет?

– Зачем? В Тиринфе рва нет, и ничего...

– Тиринф на холме стоит, – втолковывал стратег Кефал. – А ваша крепость – где? На ровном месте! Враги со всех сторон подступят...

– Правда, со рвом лучше...

– И воды, воды туда!

Под руководством Кефала Деионида, прославленного зодчего, крепость росла к небесам. Тиринф и Микены тихо давились от зависти. К счастью, мальчишкам надоело. А то б выше Олимпа возвели! Боги, знаете ли, ревнивы...

- Играем в войну?
- В Персея и Медузу!
- Я – Медуза!
- Ну вот, опередил...
- Я тоже хотел...

Странное дело, удивился Амфитрион. Никогда раньше не случалось столько желающих быть Медузой. Во-первых, чудовище. Во-вторых, как ни крути – баба. И оружия ей не положено, кроме взгляда.

- Я – Персей! – крикнул Гий.
- Зеркальце у кого-нибудь есть?

Зеркальца не нашлось. У Гия был «глаз Гелиоса»: кругляш из полированной бронзы, на кожаном ремешке. Отбежав к кустам, Гий выломал себе хворостину – «меч».

- На вылет?
- Ага!

Пухлый, похожий на девочку малыш из Навплии, первым урвавший роль Медузы, вплеп себе в волосы пучки водорослей – вместо змей. Скорчил жуткую рожу:

- Давай!

Гий повернулся к нему спиной, поймал «Медузу» в «зеркало». Взмахнул для пробы хворостиной-мечом.

- Пришла твоя смерть, Горгона!
- Оба закружили по берегу, взрывая песок босыми пятками.
- Взгляни на меня, Персей! – завывал навплиец.
- Не дождешься!
- Смотри на меня!
- Умри, чудовище!

Свистнул меч, рассекая воздух. Персей норовил подобраться на расстояние удара, но ловкая Медуза уворачивалась, отступая. Улучив момент, навплиец кувыркнулся, исчез из зеркальца – и вскочил на ноги перед Персеем. Отвернуться герой не успел.

- Окаменел!
- Кто следующий?
- Я! Я – Персей!

Кроме Амфитриона, желающих не нашлось.

- Взгляни на меня, Персей! – взвыло чудовище.

Амфитрион не ответил. Он видел в кругляше – в зеркале! в чудесном щите! – оскаленный лик Медузы. С шипением вздымались и опадали волосы-змеи. Мелькали скрюченные пальцы с когтями-серпами. Слепили взор золотые перья крыльев. Меч полоснул горячий воздух – мимо! Главное – не выпустить врага из зеркала. Иначе возникнет перед тобой, взгляды сойдутся – и станешь камнем на веки вечные. Или вцепится в шею медью когтей, разорвет глотку... Отражение метнулось в сторону и исчезло. Амфитрион повел зеркалом; под ногами хлопнула волна, зашуршала мелкой галькой. Мальчик и не заметил, как оказался по колено в воде.

Вода...

Он глянул вниз. Ему повезло. Одна волна уже откатилась, утратив силу, а следующая еще не достигла берега. В водной глади ясно отразилась Медуза, крадущаяся к жертве. Торжествуя, взвизгнул меч. Амфитрион рубанул не оглядываясь, наотмашь, через плечо – сверху вниз. И еще раз – снизу вверх, чтоб наверняка.

- Победа!

Где ты, следующая Медуза? Герой убьет и тебя!

Навлиец понурился, честно признавая поражение. На груди его розовел тонкий след от хворостины. Ну, и где же восторженный народ? Кто первым восславит Персея Горгофона?

Народ, к изумлению мальчика, безмолвствовал. Народ воротил носы. Дружное сопение было единственной песней в честь сына Златого Дождя.

– Опять Персей победил... – протянул кто-то.

– Жалко. Вот если б Медуза его...

– Угу. Надоело...

Вот, значит, как. Ладно. Амфитрион выбрался на берег и пошел прочь, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать.

6

Не иначе, Эрида, богиня раздора, толкнула его под руку. Сбивая ноги на камнях, острых и скользких, он спустился к морю по южной стороне мыса – там, знал мальчик, пряталась укромная бухточка. пляж здесь был – двоим тесно. Всюду громоздились валуны, лоснясь мокрыми боками. Закон гостеприимства валуны презирали. Играть в бухте никто не хотел, зато любой желающий мог всласть позлобиться на судьбу в гордом одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.